

Уоллес Э.

**ПОТОК АЛМАЗОВ
МЕЛОДИЯ СМЕРТИ**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Эдгар Уоллес

Поток алмазов. Мелодия смерти

«Алгоритм»

1913, 1915

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Уоллес Э. Р.

Поток алмазов. Мелодия смерти / Э. Р. Уоллес — «Алгоритм»,
1913, 1915

ISBN 978-5-486-02688-1

Ричард Горацио Эдгар Уоллес (1875–1932) – один из самых популярных писателей начала XX века. Родился в Гринвиче, в актерской семье. Бросив школу в 12 лет, он до 18 лет переходил с одной работы на другую, после чего поступил на службу в армию. В 1896 году Эдгар уехал в Южную Африку, где служил в медицинских частях. После демобилизации работал корреспондентом агентства Wraiter и лондонской газеты «Daily Mail», а в 1901 году стал редактором газеты в Йоханнесбурге. Первые романы Уоллеса не окупали финансовых затрат. Коммерческий успех пришел к нему в 1910-е годы, а в 20-е он стал самым издаваемым английским писателем (каждая четвертая вышедшая книга была его романом). Уоллес написал 173 романа, 23 пьесы, более 1000 рассказов; при этом Эдгар не прерывал журналистскую деятельность. По произведениям Уоллеса поставлено 170 фильмов. Умер писатель в Голливуде во время работы над сценарием знаменитого «Кинг-Конга». В этом томе публикуются романы «Поток алмазов» и «Мелодия смерти», характерные для всего творчества Уоллеса. Хотя сам процесс расследования в них заметно уступает описанию всевозможных погонь и невероятных приключений, оба произведения вполне соответствуют интригующим ремаркам, сопровождавшим практически все сочинения автора: «Нет ничего увлекательнее романов Уоллеса!»

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02688-1

© Уоллес Э. Р., 1913, 1915

© Алгоритм, 1913, 1915

Содержание

Поток алмазов	7
Введение	7
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	25
Глава V	32
Глава VI	36
Глава VII	39
Глава VIII	43
Глава IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ричард Горацио Эдгар Уоллес

Поток алмазов. Мелодия смерти

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Поток алмазов

Введение

Дорога в Алебиленд пролегает среди кустарника, вьется сквозь леса и болота, пересекает густые заросли и ведет через густозаросшие холмы; это едва заметная тропинка. Громадная река, протекающая здесь, не имеет ни одного притока, и путь в Алебиленд совершенно скрыт. Здесь обитают дикие племена, имеющие странные обычаи и у которых необыкновенные кудесники занимают почетное место. Через эту-то страну и течет «поток алмазов».

В одно октябрьское утро в эту ужасную страну прибыла на каботажном судне экспедиция из четырех человек, имея на борту носильщиков и тяжелый груз разного рода припасов.

Один из них, начальник экспедиции, был очень видный человек; он был средних лет, высокого роста, широкоплечий, с веселым и приветливым лицом.

Другой был также большого роста, но грузный, с обрюзгшим лицом, не скрывавший, что не собирается принимать дальнейшего участия в экспедиции, и в то время как другие были заняты снаряжением в поход, он убивал время, куря огромные сигары и проклиная климат.

За несколько дней до выступления он отвел в сторону начальника и сказал:

– Итак, Сеттон, это предприятие мне стоило огромных денег, и потерять их из-за какой-нибудь вашей глупости я не собираюсь – я говорю вам это прямо в лицо, так что вы не имеете основания обижаться. После того как вы откроете алмазную россыпь, вы должны вернуться с образчиками, но для этого прежде всего должны на месте предпринимать точные измерения. Где находится «поток», я точно не знаю. Вы ведь получили план, который нам дал португалец...

Другой перебил его, нервно и отрывисто смеясь:

– Конечно, это не в португальских владениях!

– Ради бога, Сеттон, – вспыхнул толстяк, – выкиньте эту глупость из головы! Я вам сотни раз повторял, что о португальских владениях не может быть и речи. «Поток» находится на британской земле...

– Вы знаете, что Министерство колоний...

– Я знаю все, – перебил его другой грубо, – я знаю, что Министерство колоний издало запрет, и я знаю, что это ужасная местность и вам придется пробиваться с крайним напряжением... впрочем... вот! – Он вынул из кармана плоскую круглую коробку и открыл ее. – Воспользуйтесь этим компасом, когда вы наткнетесь на первую горную цепь. У вас ведь есть еще другие компасы?

– У меня их два, – удивленно ответил тот, которого назвали Сеттоном.

– Дайте их мне.

– Но...

– Дайте их мне, дорогой мой, – повторил раздраженно толстяк.

Начальник экспедиции удалился, пожимая плечами. Через несколько минут он возвратился с двумя компасами. Толстяк отобрал их у него и дал взамен свой. Начальник открыл его.

Компас был очень красивый, но в нем отсутствовала стрелка, и когда его вращали, приходила в движение вся шкала.

Это поразило начальника, и он недоверчиво сказал:

– Странно; вы уверены в том, что компас выверен? Север должен находиться как раз над флагштоком правительственного здания, – не далее как вчера я это установил с этого же самого места...

– Ерунда! – громко перебил его другой. – Ерунда – этот компас выверен! Не думаете же вы в самом деле, что я вас хочу ввести в заблуждение, истратив на это предприятие столько денег?

Утром, когда экспедиция должна была тронуться в путь и носильщики уже взвалили на плечи груз, вдруг появился прокаленный знойным солнцем джентльмен невысокого роста с коротким хлыстом в руке. Он сдвинул со лба белый шлем и лаконично представился:

– Сандерс, наместник британского правительства. Я только что вернулся из недр страны; очень сожалею, что я раньше не прибыл. Вы направляетесь в кустарник?

– Да.

– Алмазы, не так ли?

Сеттон утвердительно кивнул головой.

– Вы на своем пути встретите чертовски много препятствий, самых примитивных препятствий. Мужчины из Алеби вступят с вами в бой, а народ племени отаки вас непременно разорвет на куски... – Он остановился, задумчиво помахивая хлыстом. – Избегайте столкновений, – сказал он, – я бы не желал, чтобы в порученной мне области происходили вооруженные конфликты, и держитесь подальше от португальской границы.

Начальник экспедиции Сеттон улыбнулся.

– Постараемся избегать и далеко обходить эту священную границу – Министерство колоний просмотрело и одобрило маршрут.

Наместник утвердительно кивнул и серьезно взглянул на Сеттона.

– Желаю счастья! – сказал он.

На другой день на рассвете экспедиция потянулась в путь и исчезла в лесах по ту сторону реки Исисси.

Неделю спустя толстяк плыл уже в Англию.

Проходили месяцы, но экспедиция не возвращалась; не поступало также никаких сведений о ней ни через курьера, ни в миссионерских отчетах.

Прошел год, и все еще не было никаких известий.

По ту сторону моря люди зашевелились и заволновались; к наместнику стали поступать телеграммы, письма, должностные депеши, настаивавшие на розысках пропавшей экспедиции белых, задавших целью отыскать алмазный «поток». Сандерс фон Бофаби только качал головой.

Каким способом производить розыски? В других местностях можно было бы на маленьком быстроходном пароходике по дюжине речушек проникнуть в незатронутые европейским влиянием области, в особенности если из-за борта выглядывает толстое дуло пушки; но Алебиленд скрывалось в кустарнике. Для исследования такой полосы требовалось вооруженное войско, а войско стоит денег... Наместник только качал головой.

Тем не менее он тайком отправил в кустарник двух шпионов – двух испытанных, ловких охотников.

Три месяца они отсутствовали, а когда возвратились, то один вел другого.

– Дикари из Алебиленда поймали его и выкололи глаза, – объяснил спокойно проводник, – а в ночь, когда он должен был быть сожжен, я убил стражу и унес его в кустарник.

Сандерс стоял перед своей одноэтажной дачей в зеленом свете луны и смотрел с волнением на новую жертву.

– Имеете вы какие-либо сведения о белых? – спросил он наконец проводника.

– Что ты видел, Мессамби? – обратился тот на туземном языке к ослепленному.

– Кости, – простонал слепой, – кости я видел. Они распяли белых людей на площади перед домом предводителя, и ни одного не осталось в живых, так рассказывали мужчины.

– Так я и предполагал, – ответил Сандерс серьезно и послал в Англию донесение.

Проходили месяцы, наступил сезон дождей, затем время года, когда все зазеленело и зацвело. Сандерс проявлял усиленную деятельность, как ему и подобало в качестве представителя правительства в Центрально-Западной Африке, в стране, где сонная болезнь и племенные особенности увеличивали постоянно процент смертности.

Долг его призвал отправиться в кустарник, чтобы положить конец тайному искусству кудесника. Он проделал шестьдесят миль по запутанным тропинкам, ведущим в Алебиленд, и воздвиг свой трибунал в местечке по названию М'Сага. С ним было двадцать человек, иначе он безнаказанно не проник бы так далеко в глубь страны. Он сидел в крытой соломой хижине кудесника и принужден был выслушивать самые невероятные истории о волшебных силах и формулах, об истребляющих болезнях, являющихся следствием ужаснейшего фокуса-покуса, который там процветал от захода луны до восхода солнца.

Кудесник был стар, но Сандерс не питал никакого уважения к сединам.

– Совершенно ясно, что ты плохой человек, – сказал он, – и...

– Господин! – перебил его жалобщик, туземец, чье тело от болезни и пережитого ужаса было совершенно истощено. – Господин, он плохой человек.

– Замолчи, – приказал Сандерс.

– Он занимается чертовским колдовством при помощи крови белых людей, – крикнул туземец, когда два солдата по знаку наместника его схватили. – Он держит в лесу белого человека в плену.

– А!

Сандерс насторожился. Он знал туземцев лучше, чем кто-либо; он мог раскрыть ложь, и он мог, что еще труднее, раскрыть правду. Он подозревал из враждебно настроенной группы жертву кудесника.

– Что ты тут рассказываешь про белых? – спросил он.

Кудесник злобно что-то прошептал, и жалобщик струсил и умолк.

– Продолжай, – сказал Сандерс.

– Он говорит...

– Дальше!

Туземец весь дрожал.

– В лесу находится белый человек – он пришел с «потока алмазов», этот старик нашел его и принес в хижину, ему нужна его кровь для колдовства.

Туземец шел впереди по лесной тропинке, за ним шагал Сандерс и связанный по рукам кудесник, окруженный шестью солдатами.

В двух милях от деревни находилась хижина. Слоновая трава вокруг нее была так высока, что хижину было еле видно. Крыша давно сгнила, а в середине провалилась. Сандерс вошел в хижину и увидел там лежащего на полу человека, прикованного за ногу к тяжелой колоде. Вид его был ужасен: одежда разорвана, волосы и борода не стрижены, а на руках виднелась масса маленьких полузаживших ранок от ножа кудесника, добывавшего у него кровь. Он производил впечатление безумного, тихо смеялся и разговаривал сам с собой.

Солдаты вынесли его и осторожно положили на землю.

– Гм, – промычал Сандерс и покачал головой.

– ...«Поток алмазов», – промолвило человеческое подобие, улыбаясь, – красивое название. Что? Кимберли? А! Что в сравнение с ним Кимберли? Ничто... Я до тех пор не верил, пока не увидел собственными глазами... Ложе реки усеяно алмазами, но ты его никогда бы не нашел, Лэмбер, с твоим планом и чертовским компасом... Я спрятал там инструменты и пропитание года на два...

Он засунул руку за разорванную рубаху и вытянул оттуда кусок бумаги.

Сандерс нагнулся чтобы взять бумагу, но тот опять поспешно спрятал ее.

– Нет, нет, нет, – прошептал он. – Ты у меня берешь кровь, это твоя профессия... я достаточно силен противостоять твоим попыткам... в один прекрасный день я уйду...

Минут через десять он впал в крепкий сон.

Сандерс нашел грязную бумажку и спрятал ее.

Он послал двоих людей к лодке, и те принесли две палатки, которые они раскинули вблизи хижины. Найденный человек был в таком ужасном состоянии, что Сандерс не решался его сейчас же отправить.

Ночью, когда весь лагерь спал и обе негритянки, которым Сандерс поручил охранять больного, храпели, тот проснулся. Бесшумно покинул он кровать и крадучись выполз наружу, где в ночной тиши на небе ярко сияли звезды.

Сандерс проснулся и нашел пустую хижину, а у берега крошечной лесной речушки, в ста метрах от лагеря, горсточку тряпья, которое когда-то было одеянием белого человека.

Рано утром кудесника привели на допрос. Он знал, какое его ожидало наказание, так как в доказательство его вины туземцы выкопали в лесу немало жертв его колдовства.

– Масса, – промолвил кудесник, когда он встретился с пристальным взглядом серых глаз, – я читаю смерть на твоём лице.

– Это правосудие Божье, – сказал Сандерс и приказал его повесить.

Глава I

Амбер сидел в своей камере в тюрьме Уэлборо и тихо насвистывал какую-то песенку, отбивая на полу ногами такт. Он пододвинул свой стул так близко к стене, что, опрокинувшись назад, мог на двух из трех ножек стула держать равновесие.

Его взгляд критически обвел маленькое помещение.

Миска и ложка, окрашенные согласно предписанию в темно-желтый тюремный цвет, лежали на полке; чистая постель была аккуратно прибрана... Он несколько раз кивнул головой и продолжал насвистывать.

Несколько влево над кроватью находилось небольшое оконце из крепкого стекла, неправильная структура которого пропускала, правда, дневной свет, но не давала возможности видеть внешний мир. На полке над кроватью лежали Библия, молитвенник и грязная библиотечная книжка.

Увидев эту книжку, он состроил гримасу; это был невероятно скучный рассказ одной необычайно скучной миссионерки, которая провела двадцать лет на севере Борнео, не заметив там ничего другого, кроме того, что там «ужасно жарко» и что тамошняя туземная прислуга могла при случае «причинить большие неприятности».

Амберу не везло с библиотечными книжками. Когда он пять лет тому назад впервые ознакомился с внутренностью тюрьмы его величества, он предполагал изучать политические науки и драму эллинов и, чтобы осуществить свою мечту, спросил соответствующую литературу. Ему дали элементарную греческую грамматику и швейцарского Робинзона, которые ему не могли принести никакой пользы. К счастью, срок его наказания кончился раньше, чем он ожидал; все же он увеселял себя переводом в стихах приключений добродетельного швейцарца на латинский язык.

В период своего заключения он составил обстоятельное прошение с просьбой разрешить ему изучать химию; но и в этом ему не повезло: ему было в этом отказано.

Амберу было теперь лет двадцать восемь или тридцать. Ростом он был несколько выше среднего, крепкого сложения, хотя и выглядел очень стройным. Это был красноватый блондин с серыми глазами, прямым носом и энергичным ртом и подбородком; когда он смеялся, виднелись два ряда безукоризненно белых зубов, а смеялся он охотно. Нижняя часть его лица была в настоящее время небрита, что портило его внешность, но тем не менее даже в некрасивом тюремном одеянии он производил впечатление образованного, приличного молодого человека.

Он услышал звон ключей у двери и поднялся, ключ в дверях повернули два раза, и дверь отворилась.

– Номер семьдесят пять, – произнес повелительный голос, и он вышел из камеры в длинный коридор, где остановился.

Тюремщик, ключи которого висели на блестящей цепочке, указал на башмаки арестанта, стоявшие вычищенными перед дверью камеры.

– Надень их!

Амбер послушался, тюремщик стал наблюдать за ним.

– К чему эта навязчивость в деле частного характера, мой дорогой Август? – спросил стоявший на коленях Амбер.

Тюремщик, которого звали вовсе не так, не отвечал. Прежде он донес бы на него за дерзость, но теперь сумасбродства этого образцового арестанта были общеизвестны, кроме того,

он имел основание претендовать на более внимательное отношение, так как это был тот, кто спас тюремщика Бэйша от ярости лондонской черни. Это происшествие в свое время разыгралось перед тюрьмой графства Дэвиц; но тюремный мир настолько мал, что слава о нем – Амбере – быстро разнеслась повсюду.

Он сошел с тюремщиком вниз по стальной лестнице в большую галерею, затем по узкому мощеному проходу до двери кабинета начальника тюрьмы. Здесь он ждал несколько минут, и затем его впустили в святая святых.

За письменным столом сидел майор Блисс; это был загорелый мужчина с маленькими черными усиками и такими же волосами, поседевшими на висках.

Кивком головы он отпустил тюремщика.

– Номер семьдесят пятый, – сказал он коротко, – по приказанию Министерства внутренних дел вы завтра будете выпущены на свободу.

– Как прикажете, господин начальник, – ответил Амбер.

Мгновение начальник сидел молча, как бы погрузившись в свои мысли, и бесшумно барабанил пальцами по бювару на письменном столе.

– Что вы будете теперь делать? – спросил он внезапно.

Амбер улыбнулся.

– Буду продолжать свою преступную карьеру, – ответил он весело.

Начальник сморщил лоб и покачал головой.

– Я никак вас не могу понять... У нас есть друзья?

Снова веселая улыбка появилась на лице Амбера.

– Нет, господин начальник! – Амбер еще больше развеселился. – Никто не виновен в открытии моих способностей, лишь я сам.

Майор перелистал несколько дел, лежавших перед ним, прочел их и снова наморщил лоб.

– Десять проступков! – сказал он. – Человек с вашими способностями... Я хочу сказать, с вашими способностями вы бы могли...

– О нет, я бы не мог, – перебил его арестант, – судьи часто так думают, но это неправда. Еще не сказано, что искусный преступник достигнет в качестве архитектора колоссальных успехов или поддельватель чеков найдет свое счастье, сделавшись учредителем акционерного общества. Обыкновенного молодого интеллигентного человека, избравшего карьеру преступника, всегда постигнет успех, потому что он всегда будет иметь превосходство над своими слабоумными и тупыми коллегами по профессии.

Он сделал несколько шагов вперед и прислонился к письменному столу.

– Видите ли, господин начальник, вы меня еще помните с Сандхерста; вы были тогда в моих летах. Вам известно, что в материальном отношении я зависел от своего дяди, который неожиданно умер. Что мне оставалось делать, когда я очутился в Лондоне? Первую неделю шло очень хорошо, так как я имел десятифунтовую банкноту в кармане, на которую и мог жить; но через месяц я уже голодал. Тогда мне пришли на ум проделки пленных испанцев. Я стал спекулировать на страстях людей, жаждущих с малыми затратами составить огромные капиталы, – таким способом я легко добыл деньги.

Начальник покачал головой.

– С тех пор я занимался разного рода обманами, – продолжал лгать № 75. – Я проделывал самые невероятные фокусы. – Он улыбнулся, как бы вспоминая веселое приключение. – В игре нет ни одного трюка, который бы мне не был известен: в Лондоне не существует ни одного злодея, чью биографию я не мог бы написать, если бы того захотел. У меня на всем свете нет ни одного знакомого, ни одного родственника, о котором мне нужно бы было думать, и я вполне счастлив; и если вы говорите, что я десять раз сидел в тюрьме, то правильно было бы сказать: четырнадцать.

– Ты глупец, – сказал начальник и позвонил.

– Я ищущий приключений философ, – шутливо ответил № 75, когда вошел тюремщик, чтобы отвести его обратно в камеру...

Как раз перед тем как тюремный колокол возвещал заключенным, что настало время спать, тюремщик принес ему опрятный узелок с его одеждой.

– Просмотрите, номер семьдесят пять, и проверьте, все ли тут, – сказал он любезно.

Он вручил заключенному печатный лист.

– Стоит мучиться, – ответил Амбер, взяв бумагу. – Я верю вашей честности.

– Проверьте!

Амбер развернул узелок, вынул свою одежду, встряхнул ее и положил на кровать.

– Вы лучше, чем те там, в Уолтоне, сохраняете всю эту дрянь, – сказал он одобрительно, – костюм не помят, брюки сложены в складку... Эй, а где же мой монокль?

Он нашел его в жилетном кармане, завернутым в шелковую бумагу, и не мог нахвалиться тюремной администрацией.

– Завтра утром я пришлю вам человека, который вас побреет, – сказал нерешительно тюремщик. – Номер семьдесят пять, – добавил он через некоторое время, – не возвращайтесь больше сюда!

– Почему? – Амбер удивленно поднял брови.

– Потому что это фарс какой-то. Такой джентльмен, как вы... Вы определенно могли бы избегать такие места!

Амбер посмотрел на него, и в его глазах вспыхнул лукавый огонек.

– Вы неблагодарны, дорогой мой страж, – возразил он успокаивающе. – Люди, как я, могут служить украшением этому месту; кроме того, более испорченные и необузданные нахлебники могут брать пример с таких людей, как я.

То, что он в своих обращениях употреблял нарицательные местоимения, также было одно из сумасбродств Амбера.

Тюремщик стоял в нерешительности.

– Существует масса профессий, которыми такой человек, как вы, мог бы заняться, – сказал он почти с упреком, – если бы вы только направили свои способности в надлежащую сторону.

Номер семьдесят пять поднял руку.

– Дорогой мой страж, – сказал он серьезно, – вы мне тут цитируете «Воскресный листок», а этого я как раз от вас не хотел бы слышать.

После, за обеденным столом, тюремщик говорил господину Скраттону, что он, со своей стороны, считает № 75 потерянным. Он неисправим. И тут же он сознался: «Такого славного парня не каждый день встретишь».

– Как он сюда попал? – спросил один их помощников.

– Он был священником в лондонском Вест-Энде, запутался в долгах и заложил серебряную церковную утварь – он сам мне сознался в этом.

В столовой находились несколько чиновников. Один из них, пожилой человек, вынул изо рта трубку.

– Я видел его два года тому назад в Левесе; как мне помнится, его тогда выгнали из флота, так как он у берега посадил на мель свой миноносец.

Амбер служил также темой разговора в маленькой столовой на квартире начальника, где тот сидел за столом со своим заместителем.

– Сколько бы я ни припоминал, – говорил начальник в смущении, – я не могу вспомнить этого Амбера из Сандхерста... Он сказал, что помнит меня, но я при всем желании не могу его припомнить...

Амбер и не предполагал, какой он возбуждал интерес.

Он мирно почивал на своем тонком тюфяке и улыбался во сне.

На другое утро перед тюрьмой собралась небольшая группа людей, ожидавших освобождения своих родственников; это была по большей части городская беднота.

Освобожденные один за другим выходили из маленькой калитки, тупо улыбались своим друзьям, безразлично позволяли плачущим женщинам обнимать себя, а больше радовались грубым шуткам мужчин.

Бодро шагая, вышел Амбер. На нем был прекрасный шотландский костюм, на голове мягкая фетровая шляпа, а в глазу монокль. Ожидавшие принимали его за тюремного чиновника и с уважением сторонились. Даже выпущенные на свободу арестанты не узнавали его, так как он был чисто выбрит и своим видом заметно от них отличался; его поджидал молодой человек, одетый во все черное, бледный и очень серьезный. Увидев Амбера, он пошел ему навстречу с протянутой рукой.

– Амбер? – спросил он нерешительно.

– Господин Амбер, – поправил его тот и искоса удивленно посмотрел на него.

– Господин Амбер... – Миссионер отнесся к этому замечанию вполне серьезно. – Мое имя Доулес. Я член Лиги возрождения, которая заботится о выпущенных арестантах.

– Интересно... действительно очень интересно, – бормотал Амбер, весело пожимая руку молодого человека. – Вы делаете доброе дело, но это неблагодарная работа, молодой человек.

Он с отчаянием покачал головой, поклонился молодому человеку и хотел продолжать свой путь.

– Одну минуту, господин Амбер! – миссионер остановил его за руку. – Я знаю вас и ваше несчастье... мы хотели бы вам помочь.

Амбер посмотрел на него любезно и положил ему руку на плечо.

– Милый мой мальчик, – сказал он, – я слеплен из другого теста. Вы меня никак не можете заставить зарабатывать свой насущный хлеб рубкой дров. Я также тяготею к честной работе, как, скажем, луна к земле; я в течение двадцати четырех часов один раз обегаю вокруг нее, ничуть не желая приблизиться к ней – вот!

Он сунул руку в карман и вынул оттуда немного денег, пару банкнот – они были при нем, когда его арестовали, – и немного серебра.

Амбер выбрал полкроны.

– На доброе дело, – сказал он, опустил монету в руку миссионера и быстро исчез.

Глава II

В доме № 46 по Карфлекс-стрит, на запад от центра, находится заведение, которое только некоторым избранным известно под названием «Уайстлеры» (то есть Клуб любителей курить трубку). Официальное название клуба «Пиннок-клуб», так как его основал в начале девятнадцатого века некий Чарлз Пиннок, и в свое время он был известным местом свиданий.

Что с течением времени клуб сильно изменился, было неизбежно, такова уж судьба всех клубов; слава его росла и падала, в некоторых отношениях он находился под подозрением, и не раз там появлялась полиция, но такие облавы не давали никакого результата.

Неоспоримо, что завсегдатаи «Уайстлеров» представляли собой курьезное общество, и членский список его не мог похвастать именитыми джентльменами, да были ли вообще люди с общественным положением членами этого клуба? В одном отношении клуб все же пользовался известным национальным обликом, который, правда, был еле заметен. Знатные молодые люди Лондона шептались, что провели ночь у «Уайстлеров», и восторженно гордились этим; некоторые давали понять, что там происходит крупная игра; но богатые молодые люди, которые лучше всего должны были знать, что там в действительности велась крупная игра, молчали, потому что, несомненно, знали, что свет питает мало симпатий к дуракам, сознающим свои дурачества; и потому никогда не выплывала наружу истина, которой добивалась полиция, когда появлялась в клубе.

В один октябрьский вечер клуб мог радоваться, он был переполнен. Автомобиль за автомобилем подъезжал к разукрашенному порталу на Карфлекс-стрит, и из них выходили хорошо одетые джентльмены. Джентльмены в безупречных костюмах, некоторые из них были одеты преувеличенно элегантно; они подъезжали поодиночке, по двое и по трое, через короткие промежутки.

Некоторые вскоре снова покинули дом, но большинство, по-видимому, решило там остаться. Незадолго до полуночи подъехало такси, из которого вышли трое мужчин.

Преднамеренно или случайно снаружи перед входом в клуб не горело ни одного фонаря. Ближайший электрический фонарь находился в нескольких метрах. Поэтому посетитель мог в полутьме подъезжать и уходить, не боясь быть узнанным.

Шофер такси, незнакомый, по-видимому, с особенностями клуба, проскочил мимо портала и затормозил только вблизи фонаря. Один из подъехавших гостей был высокого роста, в его внешности было что-то солдатское. У него были черные густые усы, и по ширине его плеч можно было судить о колоссальной силе. В свете фонаря, правда, его военный лоск много терял, так как у него было одутловатое лицо и под глазами виднелись мешки. За ним следовал человек небольшого роста, который выглядел гораздо моложе своих лет, потому что его волосы, брови и усы были почти белы. Его нос и подбородок почти сходились, и за неимением более точного сравнения его лицо можно было назвать похожим на «щипцы для орехов». Через все лицо от виска до подбородка проходил глубокий шрам.

Первый из этих мужчин был Альфонс Лэмбер, он был очень странным и мрачным человеком. Было ли Лэмбер его настоящим именем, неизвестно: все остальное в нем указывало на англичанина.

Было бы напрасным рыться в хронике шотландских преступников, чтобы найти там его имя, исключая отдела, посвященного «подозреваемым личностям».

Необходимо здесь остановиться на нем немного дольше, так как он играет во всей истории большую роль. Он был красивый мужчина, но в этой красоте чувствовалась какая-то болезненность, и большой алмаз на его мизинце как-то не гармонировал со всем его обликом.

Второй мужчина был некий Уайти; до его настоящего имени еще никто не докопался. Для всех он был Уайти. Мистер Уайти для клубных лакеев, и лишь однажды ему представился слу-

чай подписаться как *Жорж Уайти*. Это было, когда полиция сделала безрезультатную попытку поймать его в свои сети.

Третий спутник был цветущий молодой человек восемнадцати лет с красивым лицом, несмотря на немного женственное выражение его; когда он вышел из автомобиля, то слегка покачнулся, и Лэмбер поддержал его.

– Крепись, старина, – сказал он. Голос у Лэмбера был низкий и густой и слегка гнусавый. – Заплати за этот Ноев ковчег, Уайти, – заплати только по таксе, ни одним пенсом больше; Сеттон, мальчик, держись прямо.

Юноша снова споткнулся и комично засмеялся.

– Сейчас мы его приведем в христианский вид, не так ли, майор?

У Уайти был тонкий, высокий голосок, и он говорил быстро.

– Возьми его под руку, Уайти, – сказал Лэмбер, – парочка стаканов хорошей водки его возродят...

Они исчезли в вертящейся двери клуба, такси повернуло обратно, и его дребезжание понемногу умолкло.

На несколько минут улица оказалась пустынной; вдруг из-за угла Сен-Джемс-сквер показался автомобиль. И этот шофер был, по-видимому, малознаком с местностью, так как он замедлил ход, автомобиль медленно продвигался вперед, и шофер осматривал все номера домов. Перед № 46 он остановился, спрыгнул со своего сиденья и открыл дверцу.

– Это здесь, барышня, – сказал он почтительно, и из автомобиля вышла молодая красивая леди. Она, по всей вероятности, провела вечер в театре, так как была в вечернем туалете и на ее голые плечи была накинута шаль.

Одно мгновение она стояла в нерешительности, затем поднялась на две ступеньки и снова остановилась. Затем она снова возвратилась к машине.

– Может быть, мне спросить, миледи?

– Да, будьте так добры, Джон.

Она стояла на тротуаре и наблюдала, как шофер стучал в стеклянную дверь клуба.

Вышел швейцар и, полуоткрыв дверь, недружелюбно посмотрел на шофера.

– Мистер Сеттон? Нет, он не состоит членом клуба.

– Скажите ему, что он находится здесь в качестве гостя, – возразила девушка.

Швейцар посмотрел на нее через голову шофера и сморщил лоб.

– Его здесь нет, миледи, – ответил он.

Она подошла ближе.

– Он здесь – я знаю, что он здесь. – Ее голос звучал ровно, и все же ею овладело некоторое беспокойство. – Скажите ему, что я его немедленно должна видеть.

– Его нет здесь, сударыня, – проворчал швейцар.

При этой сцене присутствовал посторонний. Он не торопясь шел по улице и остановился в тени светящихся фонарей автомобиля.

– Он здесь! – она нетерпеливо топнула ногой. – В этом жалком, пользующемся дурной славой клубе, его насильно сюда затащили – это безбожно, безбожно!

Швейцар перед ее носом захлопнул дверь.

– Прошу прощения!

Перед ней выросла фигура молодого человека. Чисто выбритый, с моноклем в глазу, в превосходном шотландском костюме. Он поднял шляпу.

На его лице играла счастливая улыбка, а на тротуаре лежала только что закуренная сигара.

– Не могу ли я вам быть чем-нибудь полезен?

Его поведение было исключительно. Держал он себя почтительно и как бы извиняясь за бестактность. В своей обеспокоенности девушка забыла всякую осторожность по отношению к чужому человеку.

– Мой брат здесь, – она указала на дверь, ведущую в клуб. – Он в скверном обществе... я пробовала... – Голос изменил ей, и в глазах стояли слезы.

Амбер учтиво поклонился. Не говоря ни слова, он провел ее к машине, и она, не задавая вопросов, следовала за ним. Он усадил ее в машину, она повиновалась.

– Будьте добры сообщить мне ваш адрес! Я доставлю вашего брата домой.

Дрожащими руками она открыла золотую парчовую сумочку, висевшую на ее руке, взяла из нее крошечный кошелечек и вынула из него визитную карточку.

Он взял ее, прочел и слегка поклонился.

– Домой, – сказала она шоферу, а Амбер остался ждать, провожая исчезающие фонари автомобиля.

Он стоял и обдумывал план действий.

Это маленькое приключение было ему по сердцу. Он был в этот день счастливейшим человеком в Лондоне и направлялся к себе домой, в свою скромную комнатку в Бломсбери, которую нанял, когда счастливый случай направил его шаги в Карфекс-стрит.

Машина исчезла за углом, и он медленно поднялся по ступенькам в клуб.

Он прошел в вестибюль и беспечно поклонился толстому швейцару, который сидел близ лестницы в ложе.

Швейцар подозрительно посмотрел на вошедшего.

– Простите, сэр, вы член клуба? – спросил он.

Посетитель ответил ему строгим взглядом.

– Прошу прощения, сэр, – извинился сконфуженный швейцар. – У нас так много новых членов, что трудно всех упомнить.

– Предположим, что так, – ответил Амбер холодно.

Он медленно стал подниматься по лестнице, на полдороге остановился и обернулся.

– Капитан Лоун в клубе?

– Нет, сэр, – ответил швейцар.

– А мистер Август Бриш?

– Нет, сэр.

Амбер кивнул и продолжал путь. То, что он ни с одним из этих господ не был знаком и все же знал, что их нет в клубе, указывало на его незаурядную наблюдательность. В вестибюле находился ящик для поступающих членам клуба писем; проходя мимо, он бросил на него мимолетный взгляд. Если бы было нужно, он назвал бы еще полдюжины имен членов клуба, но подозрительность швейцара и так уж была подавлена.

В первом этаже находились кабинетные комнаты.

Амбер улыбнулся.

«Здесь, – подумал он, – мошенники обдeldывают свои темные делишки – весьма подходящая обстановка».

Он поднялся этажом выше и вошел в курительную комнату, где сидели несколько человек в элегантных поношенных костюмах. В ответ на их удивленные взгляды он невозмутимо поклонился им, а одной из групп, сидевшей в углу комнаты, даже улыбнулся; он закрыл за собою дверь и поднялся по еще более крутой лестнице выше. Он достиг передней верхнего этажа; перед полированной дверью другой комнаты стоял на страже лакей. Это был коротконогий широкоплечий человек с лицом профессионального боксера. Он встал и преградил Амберу путь.

– Ну, сэр?..

Тон его был враждебным.

– Ладно, – сказал Амбер и хотел пройти в следующую комнату.

– Одну минуту, сэр. Вы не член клуба.

Амбер пристально на него посмотрел.

– Милый мой, – сказал он строго, – у вас плохая память на физиономии.

– Не скажу, но вашей я никак не припомню.

Он стал нахальным, и Амбер чувствовал, что он проиграл, не начав игру.

Он положил руки в карманы и беззаботно засмеялся.

– Я пройду в эту комнату, – сказал он.

– Вы этого не сделаете.

Амбер вынул руку из кармана и взялся за ручку двери, тогда лакей схватил его за плечо.

Но только на секунду. Амбер с быстротой молнии вывернулся.

Лакей увидел занесенную руку и отпустил его плечо, чтобы встать в защитную боксерскую позу, но слишком поздно. Удар крепкого кулака стальной руки угодил ему в челюсть, он отшатнулся и, потеряв равновесие, с шумом полетел с лестницы. Амбер нажал на ручку двери и вошел.

Игроки уже успели вскочить со своих мест и в отчаянии смотрели на дверь. Шум падающего тела за дверью их всполошил. Они не успели даже собрать все со стола. Карты разброшанными валялись по полу, а на столах вперемешку деньги и фишки...

Мгновение они смотрели друг на друга – невозмутимо стоявший в дверях пришелец и пугливо озиравшиеся у столов игроки. Пришелец спокойно закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Он осмотрелся вокруг, как бы ища, куда повесить свою шляпу. Раньше, чем его успели спросить, вошел лакей; он успел снять с себя сюртук, и в глазах его сверкали искорки мести.

– Где он? Я ему покажу...

Голос его звучал угрожающе, чего нельзя было ему поставить в вину.

Амбер встал спиной к стене и хладнокровно сказал:

– Господа, или сейчас произойдет неопишуемая потасовка и скандал, на который сюда явится полиция, или же вы мне разрешите здесь остаться!

– Выбросьте его!

По-видимому, здесь распоряжался Лэмбер. Злость исказила его лицо, он указал на пришельца:

– Выбросьте его, Джордж...

Амбер держал руки в карманах.

– Я буду стрелять, – сказал он невозмутимо.

Противники умолкли и отступили. Даже готовый к боксу лакей стоял в нерешительности.

– Я пришел сюда, чтобы провести интересный вечер, – продолжал Амбер. – Я старый член клуба, а со мной обращаются как с сыщиком – очень любезно!

Он неодобрительно покачал головой.

Глаза его блуждали вокруг; он знал многих из присутствующих, но те его вряд ли могли знать. Он увидел молодого человека; тот лежал бледный, вялый и сонный, вытянувшись в кресле у стола Лэмбера.

– Сеттон, – произнес Амбер громко, – Сеттон, плутишка, проснись и подтверди, что я твой старый друг.

Понемногу волнение улеглось. Лэмбер приказал лакею удалиться; тот нехотя исполнил приказание.

– Не будем устраивать шума, – сказал грузный человек ворчливо. – Мы вас не знаем, вы насильно сюда ворвались, и если вы джентльмен, то сейчас же удалитесь.

– Я не джентльмен, – ответил спокойно Амбер, – я принадлежу к вашему кругу.

Он подошел к молодому человеку, который полулежал в кресле, и потряс его.

– Я хотел только встретить здесь своего друга, – сказал он, – и вынужден теперь смотреть на то, что вы с ним сделали.

Он повернулся и посмотрел на подозрительных субъектов.

– Фу, как не грешно! Я возьму его с собой! – выпалил он внезапно.

Сила его была поразительна – он одной рукой поставил молодого человека на ноги.

– Стой!

Лэмбер преградил ему путь.

– Вы оставите его здесь и немедленно удалитесь.

Ответ Амбера был очень характерным: свободной рукой он схватил кресло, размахнулся и бросил его с шумом в окно.

Послышался треск, осколки посыпались со звоном на улицу, и кресло, упав на мостовую, с треском разбилось. Затем послышались полицейские свистки.

Стоявший у двери Лэмбер быстро открыл ее.

– Вы можете идти, – зашипел он, – но я вас припомню.

– Если вы этого не сделаете, – ответил Амбер и обнял одной рукой молодого человека, – то у вас очень скверная память.

Глава III

У Амбера было 86 фунтов и 10 шиллингов капитала – приличная сумма.

В пять часов он был приглашен к Синтии Сеттон на чай. Сперва он предполагал, ради брата, вручить ей самой деньги, затем хотел переслать проигранные молодым человеком в клубе деньги анонимно. В конце концов решил урегулировать это в ближайшее время, когда более познакомится с ними. Он снял хорошенькую комнату в гостинице Бломсбюри и в настоящее время сидел в удобном кресле и курил длинную ароматную сигару и читал занимательную книжку, он был счастлив. Ноги его отдыхали на стуле, тиканье часов на камине звучало, как нежная музыка, – вся обстановка располагала к мечтанию среди белого дня. Его душевному состоянию мог бы позавидовать не один полезный член общества, так оно выразилось в полнейшем безразличии.

В это время постучали в дверь, и он сказал: «Войдите!»

Миленькая горничная принесла на подносе визитную карточку. Амбер беззаботно взял ее и прочел: «Джордж Уайти».

– Просите!

Уайти был одет тщательно. Шелковый цилиндр и лайковые перчатки должны были придать его внешности вид джентльмена. Он улыбнулся Амберу, положил цилиндр на стол и стал снимать свои желтые перчатки.

Амбер, вертевший в руках его карточку, благосклонно смотрел на него.

– Чем могу вам служить, дорогой мой Уайти? – спросил он, когда закрылась дверь.

Уайти сел, расстегнул пальто и оправил манжеты.

– Вы мистер Амбер?

У него был очень высокий голос, резкий и писклявый. Амбер утвердительно кивнул головой.

– Дело в том, дорогой мой, – сказал визитер с ноткой интимности в голосе, – что Лэмбер желает соглашения, участия и... ну...

– Кто такой Лэмбер? – спросил невинно Амбер.

– Давайте поговорим с вами, дорогой мой, – Уайти дружелюбно похлопал его по плечу, – будем откровенны. Мы разузнали, кто вы: вы старый арестант, вас три дня тому назад выпустили из тюрьмы, – прав я?

Он с торжествующим выражением лица откинулся на спинку кресла, как кто-то, открывший сокровенную тайну.

– Правильно, – ответил Амбер спокойно. – Хотите сигару или, может быть, сэндвич?

– А затем мы разузнали, что вы решились на крайность... Мы не сердимся, мы не обижаемся на вас за это, и мы не хотим мстить. Видите – мы знаем *вам*.

– Вас, – поправил его Амбер. – Да?

– Таковы наши намерения. Вы явились в клуб «Уайстлеров». Как вы туда проникли – было просто удивительно: очень умно, очень умно, даже Лэмбер признает это, – мы умолчим об этом; мы идем еще дальше: мы умолчим и о деньгах.

Он сделал соответствующий жест и многозначительно улыбнулся.

– Даже о деньгах, – повторил он.

Амбер поднял брови.

– О деньгах? Слушайте, я не расположен к шуткам.

– О деньгах, – тихо и с ударением произнес Уайти. – Около ста фунтов лежало на одном лишь столе Лэмбера, не говоря уж о других. Деньги лежали на столах, когда вы вошли, – их не оказалось, когда вы вышли.

Амбер улыбнулся с ангельским терпением.

– Разрешите вам напомнить, что среди присутствовавших я был не единственный непорядочный человек.

– Ну, покончим с денежной историей, – продолжал Уайти. – Лэмбер не хочет вас преследовать.

– Ха-ха! – учтиво засмеялся Амбер.

– Он не хочет вас преследовать. Все, что он от вас требует, это чтобы вы оставили в покое молодого Сеттона; Лэмбер говорит, что и думать нечего выжать деньги из этого Сеттона, здесь дело идет о гораздо большем, Лэмбер говорит...

– О, этот невозможный Лэмбер! – возмутился Амбер. – Усмирите вы этого типа, дорогой Уайти! Он разговаривает, как атаман сорока разбойников. Возвратись к своему господину, раб, и передай ему, что молодой Али-Баба, Амбер, не расположен заключать с ним соглашение.

Уайти вскочил на ноги, он побледнел, глаза его сузились, и руки нервно дрожали.

– О, вы... вы знаете, в чем дело? – сказал он в волнении, заикаясь. – Я говорил Лэмберу, что вы все знаете, – это входит в ваши планы, не так ли? Ну берегитесь!

И, к удивлению молодого человека, он поднял предостерегающе палец.

– Берегитесь, Амбер! Сорок разбойников и Али-Баба, да? Итак, вы все знаете – кто вам это рассказал? Я говорил Лэмберу, что вы человек, который подобное дело из рук не выпустит!

Он находился в сильном возбуждении, и Амбер молча повернулся на своем кресле, для того чтобы лучше наблюдать за каждым его движением.

Уайти взял свой цилиндр, механически пригладил его рукавом своего пальто и шевелил притом губами, как бы разговаривая сам с собой. Он обошел вокруг стола, стоявшего посреди комнаты, и направился к двери.

Здесь он остановился на несколько секунд, как бы обдумывая последний ход.

– Одно я хотел бы вам еще посоветовать, – выговорил он наконец, – а именно: если вы из этого дела хотите выйти живым, соединитесь с Лэмбером – он честно с вами поделится; если вы раздобудете план, принесите его к Лэмберу. Вам он не принесет никакой пользы – без компаса: вы должны знать, что компас достал Лэмбер, а Лэмбер говорит...

– Ступай, и оставь меня в покое, – обрезал его Амбер.

Уайти ушел, хлопнув дверью.

Амбер подошел к окну и из-за занавески мог следить за уходом посетителя.

Внизу того ждал автомобиль, и он сел в него.

– Никакого приказания шоферу, – заметил Амбер. – Как условлено, он повез его домой. Он позвонил, вошла горничная.

– Миледи, – сказал он, посмотрев на нее весьма благожелательно, – мы бы хотели получить счет... Тебе нечего оглядываться, так как, кроме нас с тобой, здесь никого нет. Если мы сказали «мы», то мы говорим, как это говорят промышленные короли или императоры. Также ты должна дать знать швейцару, – продолжал он весело, – чтобы он уложил наши вещи, так как мы уходим.

Девушка улыбнулась.

– Недолго же вы у нас пробьете, – сказала она.

– Посол короля, – произнес он серьезно, – никогда подолгу не остается на одном месте; всегда готовы к зову его величества, на плечах бремя ответственности за государственное благообразие; Меркурий дипломатии – тот же кочевник цивилизации...

Он охотно позировал, поэтому и теперь он шагал перед горничной по комнате, заложив руки за спину и низко опустив голову.

– Одну ночь в Лондоне, следующую в Париже, третью в Албании, в бою с уличными разбойниками, опять в следующую переплывая бурное течение Дуная, я держу в зубах телеграммы, а рядом со мной в темную воду ударяются пули...

– Господи, – всплеснула руками горничная, – и жизнь же вы ведете!

– Да, веду, – согласился Амбер. – Принеси счет, голубушка.

Она возвратилась со счетом, Амбер уплатил по нему и дал ей хорошие чаевые и поцеловал ее в награду за то, что ей миновала лишь двадцать пятая весна.

Его маленький чемоданчик уже был уложен, а внизу ожидал автомобиль.

Он стоял одной ногой на подножке машины, погруженный в свои мысли, и затем обернулся к ожидавшей его горничной.

– Если меня будет спрашивать мужчина, вид которого сразу же возбуждает подозрение, мужчина с белыми волосами и бледным лицом, бледность которого напоминает скорее оштукатуренную могилу, нежели темную лилию... Одним словом, если этот Джонни, который был у меня час тому назад, спросит обо мне, то скажи ему, что я уехал.

– Слушаю, сэр, – ответила она, немного смущенная.

– Скажи ему, что я отозван в... в Тегеран.

– Слушаю, сэр.

– Дипломатическая миссия, – добавил он.

Он сел в машину и, закрывая за собой дверцу, добавил:

– Я надеюсь вернуться в августе или сентябре сорок третьего, запомнишь?

– Да, сэр, – ответила она, улыбаясь.

Амбер улыбнулся, кивнул ей и обратился к шоферу.

– Домой, – приказал он.

– Простите, сэр?..

– Бруг-Хай-стрит, – поправился он.

Машина тронулась.

Она направилась в восточном направлении, пересекла реку у Лондонского моста и остановилась у церкви Святого Георгия, так как Амбер хотел тут сойти. Он отпустил шофера и бодро зашагал вдоль широкой улицы, неся в руке свой маленький кожаный чемоданчик, заключавший в себе его убогий гардероб. Достигнув узкого проезда, он свернул налево и подошел к самому грязному дому этого злополучного переулочка.

Дом № 19 на Редкоу-Керт-стрит был не особенно привлекателен. Во входной двери не доставало доски, самый вход был узок и грязен, а винтовая со сломанными перилами и неровными ступеньками лестница вела в верхние этажи.

Весь дом был наполнен непрерывным гулом пронзительных голосов, голосов бранящихся женщин и сердитых грудных младенцев. Ночью в этом Вавилоне регистр понижался: тогда ворчали мужчины с грубыми голосами. Иногда они злобно орали, били своих жен, и иногда доносился женский визг. Перед домом № 19 было сборище грязно одетых людей, жавших кровавых сцен.

Амбер стал взбегать вверх, весело при этом посвистывая. На половине лестницы второго этажа он должен был остановиться, так как двое младенцев играли как раз там, где у лестницы не хватало перил.

Он перенес их на более безопасное место и постоял несколько минут, поболтал с ними и лишь тогда стал подниматься выше.

В верхнем этаже он постучал в одну из дверей.

Никакого ответа не последовало, и он постучал снова.

– Войдите, – послышался серьезный голос.

Амбер вошел.

Комната была обставлена гораздо лучше, чем можно было ожидать. Это была жилая комната, которая соединялась с другой невидимой дверью.

Пол был чисто вымыт, посреди лежал чистый ковер, на котором стоял маленький полированный столик с круглыми ножками. На стенах висели две или три картинки, старые олео-

графий с мифологическими сюжетами: «Возвращение Улисса», «Персей и Горгона» были первые две, неизбежная третья представляла «Скованного Прометея».

Когда Амбер тихо закрыл за собой дверь, он услышал пение дюжины птиц.

Клетки висели на стене по обе стороны открытого окна, в два ряда, а подоконник был усеян ярко-красными геранями.

У стола сидел мужчина средних лет. Он был лыс, борода и усы были ярко-рыжие, и от его внешности, несмотря на густо нависшие брови и сумрачный взгляд, веяло благодушием. Занятие его в данную минуту было не совсем обычным, ибо он шил наволочку.

Когда вошел Амбер, он опустил работу на колени.

– Хелло! – вскрикнул он и неодобрительно покачал головой. – Скверный субъект, скверный ты субъект! Входи уж; я тебе приготовлю чашку чаю.

Почти с женской заботливостью он сложил работу, положил ее аккуратно в рабочую корзиночку и деловито вышел из комнаты, продолжая болтать.

– Давно тебя выпустили? Хочешь опять туда попасть? Не загрязняй своих рук! Для чего тебе воровать? Молчи и брось свои ехидные речи. Фу-фу!

– Ах ты, мой Сократ, – сказал Амбер с упреком.

– Нет, нет, нет! Никто тебя никогда не упрекал в ехидных речах, как говорит Уайльд, – ты не читал этой истории, не правда ли? В таком случае ты себя лишил огромного удовольствия. «Приказ Денвер Дедса Фортун, или Король сиуксов» – выговаривается «соокса». Это стоит почитать. Сегодня выходит двадцать четвертое издание.

Он продолжал болтать о героических поступках Дикого Запада. Теперь Петер Муск, так его звали, был почитателем героев, любителем приключений и усердным читателем тех романов, которые поспешная критика называет «дрянью». Спрятанные за светлыми полотняными занавесками, лежали на полках несколько сот этих книжек, из коих каждая внесла свою лепту, чтобы создать атмосферу, в которой жил Петер.

– А что мой Петер все это время делал? – спросил Амбер.

Петер поставил чашки и улыбнулся.

– Жил по-старому, – ответил он, – занятие, птицы, немного вышивания – у надломленного человека, скромно изучающего жизнь, время течет спокойно.

Он улыбнулся, как бы скрывая тайную мысль.

Амбер на эту таинственность маленького человечка не обижался и не смеялся.

Петер был большим и постоянным мечтателем. Он мечтал о героических подвигах: например, об освобождении сероглазых девушек из рук дюжих негодяев во фраке. Эти мерзавцы курили сигаретки и издевались над своими жертвами, пока не приходил Петер и метким ударом сбивал этих негодяев с ног.

Петер был ростом приблизительно в полтора метра, крепкого сложения.

Он носил большие круглые роговые очки и имел один фальшивый зуб – достояние, которое обыкновенно заставляет склонных к боксу в минуты, когда их героизм требует действий, считать осторожность лучшей частью храбрости.

В своих мечтах Петер вел безнадежно отступавшие войска к победе; в непроницаемом снаряжении при содействии орудий штурмовал он крепости, в которых уже были пробиты бреши; он водружал на насыпи с проволочным ограждением разорванные картечью знамена; а между этими подвигами, когда его дух успокаивался, он ради родины принимал пытки – во время известных военных экспедиций в Центральной Африке.

Так как он по натуре был порядочным человеком, то вносил в свои мечты кое-что и из своего образа жизни. Раньше Петер служил конторщиком в одном из магазинов в Сити; он был стойким, уважаемым человеком, увлекавшимся садоводством. Как-то на столе кассира не хватило денег, и его заподозрили в воровстве. Этим обвинением он был так ошеломлен, что без протеста позволил себя отвести в полицию и как во сне слушал доказательства своей вины,

и сошел со скамьи подсудимых, не понимая, за что судья спокойным и неподвижным голосом приговорил его к шести месяцам принудительных работ.

Из положенного ему наказания Петер отсидел четыре месяца, когда отыскался настоящий вор, сознавшийся в своем проступке. Хозяева Петера были в отчаянии; они были хорошими, честными христианами, а директор был – как потом утверждал Петер – так огорчен, что почти отказался от своего ежегодного отпуска, который он проводил в Энгадине.

Фирма, где служил Петер, сделала доброе дело – она назначила ему пожизненную пенсию, и Петер перекочевал на задворки в Бруг-стрит, так как считал, что, посидев в тюрьме, хотя бы и невинно, он заклеил себя навеки.

Понемногу он стал почти гордиться испытанием, которое перенес, вероятно, чересчур чванился, и заслужил в преступном мире незаслуженную славу. Когда он летом по вечерам выходил на улицу, они показывали на него пальцем и указывали на него как на знаменитого фальшивомонетчика, который ночной порой обокрал банк, и питали к нему уважение.

– Что было с тобой потом?

Амбер как раз размышлял о многих милых особенностях этого маленького человека, когда ему был задан вопрос.

– Я... О, все то же самое, мой Петер, – ответил он, улыбаясь.

Петер осторожно осмотрелся кругом.

– С тех пор как я там был, там многое изменилось? – прошептал он.

– Кажется, зал заново окрасили, – ответил Амбер серьезно.

Петер покачал головой.

– Мне кажется, что я бы не узнал теперь этого места, – сказал он с сожалением, – а что, комната начальника все еще находится так далеко от зала, а?

Амбер лишь кивнул головой.

Маленький человек налил чай и подал его своему гостю.

– Петер, – спросил Амбер, мешая свой чай, – где я могу остаться?

– Здесь!

Лицо Петера просветлело, и голос оживился. Амбер кивнул.

– Они преследуют тебя, не правда ли? Ты останешься здесь, дорогой мальчик. Уж я тебя так преобразую, как ты себе и представить не можешь: бакенбарды, парик; я тебя тайно проведу к реке, и мы тебя посадим на пароход.

– Ах ты, мой Петер! – улыбнулся Амбер. – Ах ты, мой неисправимый! Нет, не полицию – не смотри так грустно, ты бессердечный маленький человечек, – нет, не полицию я избегаю, а преступников, настоящих преступников, мой Петер, не незначительных воришек, как я, или невинно осужденных, как ты, а мужчин высокой черни, отчаянных голов, ужаснее Денвера Дедса, или Мичиган Майка, или Сентлер Сама, или кого-либо из этих отважных ребят.

Петер многозначительно поднял палец.

– Ты предал их, и они преследуют тебя, – сказал он торжественно. – Они поклялись тебе отомстить.

Амбер отрицательно покачал головой.

– Я их преследую, – поправил он его, – и клятва мести на моей стороне. Ведь я виртуоз Майк, я великий сыщик с Бейкер-стрит... Я хочу кое-кого выследить, будучи уверенным, что он не следит за мной.

Петер насторожился. Глаза его заблестели, и руки дрожали от волнения.

– Понимаю, понимаю, – кивнул он многозначительно, – ты хочешь расстроить их планы.

– Расстроить? Это как раз то слово, которое я искал, – сказал Амбер.

Глава IV

У Лэмбера была в Сити контора, где он вел дело, но никто не знал, что за дело. На двери висела маленькая медная дощечка, гласившая:

И. ЛЭМБЕР

(отделение парижской конторы)

Он принимал посетителей, писал и получал письма и вдруг неожиданно исчез; никто не знал куда, хотя приписка «отделение парижской конторы» давала некоторое разъяснение.

Одни говорили, что он агент; это довольно неопределенное звание; можно было думать, что угодно; другие принимали его за финансиста, хотя многие являвшиеся к нему с самыми сногшибательными планами за необходимым капиталом всегда очень сильно разочаровывались, когда слышали, что у него нет денег на такие сомнительные и детские затеи.

Но так как в Сити многие содержали конторы без видимой необходимости, то и дело Лэмбера не служило объектом всестороннего расследования.

Было лишь известно, что он когда-то финансировал экспедицию в Центральную Африку, и если это верно, то это было достаточным основанием содержать на Флер-Лев № 11Е деловую контору.

Многие также в свое время финансировали подобные экспедиции и также пооткрывали подобные конторы, годами поджидали обратного поступления вложенного капитала. Это было обыкновенным явлением в торговом мире.

У Лэмбера, однако, было дело, и дело весьма доходное. Среди своих банкиров он был известен как маклер серебра, другой же знал его как компаньона типографского дела фирмы Флингенштейн и Боррис; он был участником пароходной линии, которая благодаря кругосветным путешествиям заслужила незавидную славу; он был, если только правда то, что говорят, заинтересован в ста и одном предприятии, маленьком и большом, законном и сомнительном.

Он был владельцем двух беговых лошадей; лошадей, которые доставляли ему удовольствие, выигрывая, когда он на них садился, и, проигрывая, если он этого не делал.

Два дня спустя после поспешного отъезда Амбера он сидел в своей конторе.

Было время завтрака, и он медленно натягивал на руки перчатки. На лице его светилась улыбка, и в глазах отражалось довольство.

Секретарь его стоял в ожидании у письменного стола и механически сортировал пачки с банкнотами.

Лэмбер медленными шагами направился к тяжелой двери своего личного кабинета и остановился в нерешительности.

– Может быть, все-таки лучше написать сегодня вечером, – сказал он.

Секретарь кивнул, положил бумаги на стол и открыл блокнот.

– А может быть, не стоит, – как бы спрашивая самого себя, сказал снова Лэмбер. – Все же лучше, если я сделаю это сегодня. «Милостивый государь, – начал он, и секретарь злобно зацарапал пером. – Милостивый государь! Настоящим подтверждаю получение вашего письма относительно алмазных россыпей в Грет-Форрест. Точка. Я понимаю ваше... гм... ваше недовольство...»

– Нетерпение, – вставил секретарь.

– «Нетерпение! – подхватил хозяин. – Но дело подвигается. Точка. Что касается вашего желания записаться на дальнейший выпуск акций, запятая, то имею честь вам сообщить, что мои инспектора... тора...»

– ...тор, – поправил секретарь.

– «Инспектор, – продолжал Лэмбер, – предупрежден предоставить вам преимущество в том случае, конечно, если наши...»

– Его, – снова вставил секретарь.

– «Его советники это одобряют. С совершенным почтением...»

Лэмбер закурил сигару.

– Ну как? – шутливо спросил он.

– Очень хорошо, сударь, – ответил секретарь, потирая руки, – выгодное дело для инспектора.

– Для меня, – возразил Лэмбер не смущаясь.

– Я же сказал: для инспектора, – повторил бледный секретарь и обрадовался своей хитрости.

Лэмбер был сегодня в хорошем расположении духа, секретарь воспользовался этим и сказал:

– Как раз относительно этого письма сегодня многие справлялись.

Лэмбер, снова направлявшийся к двери, круто повернулся.

– Что вы, черт возьми, хотите этим сказать, Грен? – спросил он, и все его хорошее настроение исчезло.

Секретарь почувствовал, что совершил оплошность, – это была очень деликатная тема. До известной точки Лэмбер ему доверял; он мог признаваться, что ему были известны дела Лэмбера, но только до этой известной точки.

– Да всё эта африканская история, – ответил секретарь.

Лэмбер стоял у двери с поникшей головой.

– Полагаю, что вы им сказали?..

– Я рассказал им обычную историю – что наш инспектор в настоящее время осматривает владение и что мы скоро от него получим известие. Один лишь – письмоводитель Букстедов – был нахальным, и я... – Он медлил.

– Да, ну и?..

– Он сказал, что мы, кажется, сами не знаем, где находятся алмазные россыпи.

Лэмбер принужденно улыбнулся.

– Смешно, – сказал он не очень искренне. – Как будто можно учредить общество алмазных россыпей, не зная, где они находятся, – абсурд, не так ли, Грен?

– Конечно, сэр, – подтвердил тот учтиво.

Лэмбер все еще стоял у двери.

– При проспекте ведь был приложен план, россыпь находится как раз на краю – Грет-Форрест – так, кажется, название?

Секретарь утвердительно кивнул головой.

– Служащий Букстедов, ха? – Лэмбер волновался.

Букстеды были лучшими и честнейшими адвокатами Лондона, и они его недолюбливали.

– Если Букстеды узнают... – он запнулся. – Я хочу сказать, если Букстеды полагают, что смогут у меня выманить возмещение своих...

И, не докончив фразы, он вышел.

Что может быть нелепее – учредить общество, которое посредством пространных объявлений сулит невероятные доходы; выманить у спекулирующей публики деньги, а затем не быть в состоянии привести доказательства жизнеспособности этого предприятия. Если для эксплуатации алмазных россыпей что-нибудь требуется, то это прежде всего сама россыпь, но были основания предполагать, что таковой в распоряжении общества не имеется. Подозрительным было, например, то, что Лэмбер не мог указать места участка даже с точностью до ста миль; второе подозрение – и оно было особенно важно: Лэмбер не имел ни малейшего понятия о том, имеет ли он вообще права на этот участок, даже если бы он и знал, где он находится.

Но Лэмбер не принадлежал к тем энтузиастам, которые считают необходимым финансировать алмазные россыпи на солидных началах. Основой служил ему его оптимизм. Чтобы быть вполне откровенным, необходимо заметить, что алмазные россыпи Грет-Форрест были основаны Лэмбером в то время, когда его материальное положение было весьма и весьма плачевным; несмотря на его участие в многочисленных предприятиях, ему приходилось переживать времена финансового кризиса. Необходимо заметить, что он до тех пор не выпускал акций, пока он действительно знал, что существует сомнение в возможности отыскать россыпи.

Он умалчивал о том, что эти россыпи – воздушный замок, фантазия, ничем не доказанная, разве только планом, которым он также не обладал и никаким способом достать не мог. Он умолчал об этом также в витиеватых маленьких проспектах, которые распространялись им исключительно между такими лицами во всей Британии, которые с легкостью соглашались так удобно поместить свои капиталы. Лэмбер утверждал, что место россыпей определено и права на него приобретены. Проспект упоминал еще, но очень неопределенно, о существующих транспортных затруднениях, которые необходимо еще урегулировать, в самом конце следовал ученый и технический отчет находящегося на месте россыпей инженера о драгоценных камнях, «подземных сокровищах», с обычной в таких отчетах терминологией.

Бесполезно было бы доказывать, что у Лэмбера нет ни единого недостатка. На свете сравнительно мало очень дурных людей, но если проследить жизненный путь этого человека, то обязательно придешь к заключению, что доброго начала в этом человеке никогда не существовало.

Он сошел в вестибюль и вышел на улицу. В эту минуту на автомобиле подъехал Уайти.

– Ты мне нужен! – крикнул он.

Лэмбер сморщил лоб.

– У меня нет времени, – начал он.

– Идем обратно, – сказал Уайти и взял его под руку, – идем в контору; я тебе должен сообщить кое-что очень важное.

Толстяк нехотя пошел назад.

Секретарь Грен как раз обследовал личный ящик письменного стола своего хозяина, и когда на каменной лестнице послышались шаги, он с необыкновенной поспешностью и ловкостью запер ящик и сунул ключ в жилетный карман, чтобы не быть пойманным на месте преступления; и когда те входили, он был занят чтением заметок.

– Вы можете идти позавтракать и возвращайтесь через полчаса, мне нужно поговорить с мистером Уайти, – сказал Лэмбер и, когда секретарь закрыл за собой дверь, обратился к своему спутнику. – Ну, – спросил он.

Уайти выбрал себе лучшее кресло и удобно в нем развалился, положив ногу на ногу. Благодаря своему умственному превосходству он имел привычку чувствовать себя хозяином положения.

– Когда ты наконец перестанешь смеяться, как осел, и объяснишь, почему ты меня заставил отложить завтрак? – проворчал недовольно Лэмбер.

Уайти опустил ноги и выпрямился.

– Новость, Лэмбер! – Его поднятая рука должна была подтвердить важность сообщения. – Новость и идея одновременно, – сказал он. – Я видел Сеттонов.

Лэмбер кивнул головой. Смелость Уайти была для него всегда большой неожиданностью, но толстяк умел это скрывать.

Уайти был, по-видимому, сильно разочарован, что его новость не произвела должного впечатления.

– Ты, как видно, считаешь счастливый случай самым обыкновенным явлением, – проворчал он. – Я был у Сеттонов, Лэмбер, посетил их после истории у «Уайстлеров».

– Ты славный малый! Ну и?..

– Ну, – раздраженно заметил тот, – я говорил с мальчиком, он держал себя очень заносчиво и надменно, Лэмбер; сперва он ни за что не хотел со мной разговаривать; а его сестра – фу! – она была со мной, как лед, – сказал он серьезно, – она была со мной очень холодна; с ней говорить хуже, чем сидеть в леднике. Брр! – Его знобило.

– Ну и что с мальчиком?

Уайти лукаво улыбнулся.

– Он вспыльчив, раздражителен, много мнит о себе, но рассудителен. Он понял, что такое «Уайстлеры». Легче поймать дикую кошку, чем склонить его снова на свою сторону. В нем проснулись итонский ученик и оксфордский студент – ба! Ты, конечно, знаешь этот тон: «Мне очень жаль, но лучше бы наше знакомство никогда не состоялось – я сделал большую ошибку!.. Но прошу вас, прекратим этот разговор, прощайте. Вот дверь!»

Уайти не умел подражать, он только передал суть разговора.

– Но от меня не так-то легко отделаться – я остался непоколебимым; он открыл дверь, чтобы меня выпустить, а я любовался его геранями; он позвонил лакею, а я ему сказал, что не просил его об этом; он фыркнул, скрежетал зубами, бегал по комнате; он не постеснялся даже высказать, какого он обо мне и о тебе мнения.

– Какого же он обо мне мнения? – спросил Лэмбер.

– Лучше я этого не скажу, – ответил Уайти, – не думаю, чтобы ты пришел от этого в восторг. Ты думаешь, он считает тебя джентльменом? Нет! Но не обижайся на такие ребячества. Он заявил, что ты, очевидно, мот самого скверного сорта.

– Что же ты ему ответил? – спросил Лэмбер, сморщив лоб.

– Я отрицал это, – возразил притворно Уайти, – не самого скверного сорта, сказал я; все же разговор кончился обещанием зайти сегодня после обеда сюда.

Лэмбер задумался и стал ходить по комнате.

– А какая от этого польза? – спросил он.

– Но послушай, послушай. Целое утро я для тебя мучаюсь, а ты спрашиваешь, какая от этого польза.

Уайти медленно встал и взял шляпу.

– Стой, – крикнул Лэмбер, – останься, я хочу знать дальнейшее. Ну, что же он в состоянии сделать?

– Послушай, Лэмбер, – Уайти бросил всякое притязание на любезность и почтительность и повернулся к нему ворчливо. – Этот ребенок может раздобыть план. Наши алмазные россыпи должны стать осязательнее, чем до сих пор, а то дело может принять плохой оборот, ты это прекрасно сам знаешь.

– Ну а предположим, он его не захочет дать?

– Вопрос не в том, захочет он его дать или нет; план не у него, а у его сестры. Ты должен помнить, что он сын своего отца. Где-нибудь в нем бурлит кровь искателя приключений; такого рода наследственность не вымирает. Посмотри на меня, мой отец был...

– Оставь это, – сказал невинно Лэмбер. – Куда ты метишь? Какое тебе дело до того, какая кровь течет в его жилах? Нам вот что важно: какой-то полоумный наместник нашел при его умирающем отце план, который он переслал сестре Сеттона.

Он вскочил, положил руки в карманы и высоко вытянул голову – привычка, выдававшая его волнение.

Несмотря на то что Уайти был у Лэмбера на посылках, то есть человеком на все руки, и материально от него зависел, все же легко можно было заметить, что Лэмбер его побаивался, и бывали моменты, когда он чувствовал превосходство Уайти, но не мог обходиться без него. Как раз такой момент наступил сейчас. Уайти распорядился и направлял ход событий по-своему. Он пользовался невероятными выражениями. Чтобы пояснить свое мнение, Уайти строил

предложения против всяких правил грамматики. Иногда это был просто неприкрытый разбойничий жаргон, подхваченный им в других странах, – в нем жил бродяга и космополит.

– Ты все равно что красный платок для быка, Лэмбер, – продолжал он злобно. – Люди тебя сторонятся; алмазную историю необходимо немедленно же урегулировать. Люди будут весьма недовольны, если узнают, что россыпи – миф; и они потребуют тогда разъяснения о деле с серебром и о типографии, они соединятся – сознаешь ты это? Ты был глупцом, когда выдумал эту алмазную историю. Это было единственное честное предприятие, которое ты когда-либо предпринимал, но ты его нечестно повел с самого начала. Если бы это было иначе, то Сеттон возвратился бы живым; но нет, тебе потребовался странный компас, так что россыпи-то он мог найти и сделать план, но лишь ты один мог их затем разыскать! О, ты чересчур умный дурак, но ты слишком натянул струну. Теперь слушай, – продолжал Уайти, – молодой Сеттон придет сегодня сюда, и ты должен быть с ним любезным; ты должен быть честным; ты должен пойти ему навстречу; должен вскочить со своего места и сказать: «Ах, это вы, Сеттон, дорогой друг, я вам открою все карты».

– Ты что, с ума сошел? – закричал на него Лэмбер. – Чтобы я...

– Открыл ему все карты, – повторил Уайти, медленно отчеканивая каждое слово, – твои собственные карты, Лэмбер; ты должен ему сказать: «Сын мой, давай объяснимся; дело в том...» и т. д. и т. п.

Что это было за «и т. д.», Уайти в последующие пять минут горячо и шумно разъяснил ему.

По истечении этих пяти минут появился Грен, и разговор внезапно оборвался.

– В три часа, – сказал внизу на лестнице Уайти. – Открывая карты, поступай умело, и ты вывернешься из этой грязной истории.

Лэмбер что-то промычал в ответ, и они расстались.

Это был совершенно другой Уайти, когда он явился в назначенный час. Это был любезный, почтительный, тихий человек, который ввел в контору И. Лэмбера молодого человека.

Фрэнсис Сеттон был красивым юношей, хотя кислая физиономия, которую он считал нужным строить, его уродовала.

Он был подавлен, так как чувствовал, что его хотят перехитрить и обмануть.

Ему было доказано, что если Лэмбер нуждался в его обществе, приглашал его к обеду, не раз брал с собой к «Уайстлерам», то не потому, что финансисту доставляет это удовольствие, и не потому, что Лэмбер знал когда-то его отца, – а потому, что Лэмберу от него кое-что нужно.

Излишни комментарии, каким образом ему это было объяснено. Возможно, что самая милая, славная и нежная женщина, которая при всем своем очаровании все же только человек, сумела в известный момент чисто по-человечески с достаточной убедительностью вразумить своего сумасбродного брата.

Он вошел в кабинет Лэмбера с недовольным лицом. Лэмбер сидел за письменным столом, на котором была разбросана масса конторских книг и писем. Перед ним лежала раскрытая толстая счетная книга, а по сторонам рассортированные письма. Его секретарь с открытой записной книгой сидел подле.

Бросалась в глаза внушительная чековая книжка, и Лэмбер был действительно очень занят, когда Уайти доложил о приходе молодого человека.

– А, мистер Сеттон! – сказал он, весело улыбаясь и ответив на короткий поклон Сеттона. – Очень рад вас видеть у себя. Уайти, предложи удобное кресло мистеру Сеттону. Мне осталось закончить одно дело.

– Может быть, – облегченно заметил молодой человек, – мне после зайти?

– Только одну минуту, – извинился Лэмбер, – садитесь, пожалуйста. Грен, вы готовы?

– Да, сударь.

– «Милостивый государь, – диктовал Лэмбер, откинувшись на спинку кресла, – при сем препровождаем вам полугодовую ренту в сумме четырех тысяч шестисот двадцати пяти фунтов, семи шиллингов и четырех пенсов. Точка. Мы весьма сожалеем, что не можем вам представить акции нового выпуска; запись на новый выпуск в двадцать раз превысила наличность. С совершенным почтением...» и т. д. Написали?

– Да, сэръ, – ответил неподвижный Грен.

«Возможно ли, чтобы это был тот аферист, которого так обстоятельно обрисовала моя сестра? – подумал молодой человек. – Неужели этот человек может опуститься до того, чтобы заманить меня в игорный притон с целью выиграть пару сот фунтов?»

– Пошлите Каутсу чек, на сколько? – спросил Лэмбер.

– На шесть тысяч, – ответил Грен наобум.

– И заплатите этот маленький счет Уэллсу – приблизительно четыреста... Эти маленькие счета на вино растут.

Последняя фраза была обращена к Сеттону, который участливо улыбнулся.

– Ну, теперь, кажется, все... – Лэмбер собрал бумаги. – О, здесь еще письмо от С.!

То, что он держал в руке, было в действительности счетом на вино, о котором он намекнул Грену.

– Напишите ему, что мне очень жаль, что я не могу с ним отправиться в Ковес, – я ненавижу чужие яхты. – Он с улыбкой обратился к молодому человеку: – К несчастью, я не могу себе больше, как в прежние годы, позволить собственной яхты...

Он откинулся на спинку кресла, когда за Греном закрылась дверь.

– Ну, господин Сеттон, мне бы хотелось поговорить с вами откровенно; вы не обидитесь, если Уайти будет присутствовать, не правда ли? Он в большинстве случаев мой доверенный.

– Я ни на чье присутствие не обижаюсь, – возразил молодой человек, хотя, очевидно, он себя чувствовал нехорошо, так как он точно не знал, какую цель преследовал Лэмбер.

– Мистер Сеттон, – начал Лэмбер медленно, – кажется, вы тогда были в школе, когда ваш отец отправился в Западную Африку?

– Я в это время держал экзамен в Оксфорд, – быстро ответил молодой человек.

Лэмбер кивнул головой.

– Вы ведь знаете, что я финансировал тогда эту злополучную экспедицию?

– Я слышал, что вы были причастны к ней.

– Да, был, – сказал Лэмбер, – мне это, однако, стоило... но это к делу не относится. Ну вот, мистер Сеттон, буду с вами откровенен. У вас, наверное, такое впечатление, будто я искал вашего знакомства, преследуя какие-то иные цели. Не отрицайте. Это меня...

– Уязвило, – вставил молчавший Уайти.

– Да, больно уязвило. Я знаю человеческую натуру очень хорошо, мистер Сеттон, и, если кто обо мне плохого мнения, я это чувствую инстинктивно.

Необходимо заметить, что это ощущение исходило не столько из наблюдательности самого Лэмбера, сколько из информации, полученной им от Уайти.

– Мистер Сеттон, не буду отрицать, что я преследовал другие цели, ища вашего знакомства.

Лэмбер наклонился вперед, положил руки на колени и начал серьезно:

– Когда ваш отец...

– Бедный отец, – промычал Уайти.

– Когда ваш бедный отец умер, вам, или, вернее, вашей сестре, так как она была старшей, был послан план, карта, указывающая маршрут вашего отца. В прошлом году я случайно узнал о существовании этого плана и написал по этому поводу вашей сестре письмо.

– Насколько я понимаю, мистер Лэмбер, – ответил Сеттон, – вы после смерти отца даже не попытались нас разыскать; хотя вы и не были ни в какой мере ответственны за его судьбу, все

же моя сестра полагает, что ваш долг был поинтересоваться, как обстоит дело с обеспечением оставшихся благодаря этой экспедиции сирот.

Этот стройный юноша с резко выраженным женственным лицом теперь разговаривал с такой уверенностью, будто ему уже давно знакомы все обстоятельства дела, о котором он говорил. И все же он до того утра, когда ему сестра не дала обстоятельное объяснение характера этого человека, не знал никаких подробностей, повлекших за собой смерть отца.

Пока он говорил, Лэмбер меланхолично покачивал головой, как бы отрицая возводимое на него обвинение.

– Нет, нет, нет, – сказал он, когда тот кончил, – вы не правы, мистер Сеттон, я тогда был болен; я знал, что вы все живете в хороших условиях.

– Гм! – кашлянул Уайти, и Лэмбер понял, что сделал ошибку.

– В самом деле, – сказал искренне Лэмбер. Он поскорее хотел покончить с этим делом, так как стал терять присутствие духа. – Я бы хотел наконец с этим покончить. Ваша сестра тогда нам отказала в плане, ну хорошо, мы с ней не спорим, мы не хотим также обращаться в судебные инстанции, мы говорим: «Хорошо, мы отказываемся от этого дела, хотя для меня это довольно серьезный вопрос, так как я учредил...»

– Так как ты намеревался учредить, – поправил его Уайти.

– Я хотел сказать, что на основании этого плана я хотел учредить общество; и все-таки я говорю, если молодая леди так думает, то мне очень жаль – я не могу ей быть долгие в тягость; но вот мне пришла мысль в голову! – Он драматически остановился. – Мне приходит в голову мысль – алмазные россыпи, на поиски которых отправился ваш отец, еще не открыты; даже с вашим планом, которому я, между прочим, не придаю никакого значения.

– Практически он имеет ценность только для владельца, – перебил его Уайти.

– Для другого он ценности не имеет, – согласился Лэмбер. – Даже с планом в руке мои россыпи не найдут, если отправятся их разыскивать. Для этого требуется...

– Пытливый ум, – заметил Уайти.

– Да, пытливый ум, который должен быть врожденным, лежать в крови у того, кто отправится на розыски. Мистер Сеттон, – Лэмбер тяжело поднялся, – если я говорил, что искал вашего знакомства с определенной целью, я говорил правду. Я хотел узнать, не достойны ли вы продолжать начатое вашим отцом дело? Мистер Сеттон, вы достойны! – он произнес это драматически, с ударением, и молодой человек покраснел от удовольствия.

Он был бы не человеком, если бы не поддался на эти слова. Ни душой, ни телом он не был похож на Сеттона-исследователя, на человека, участвовавшего во многих экспедициях, но он унаследовал от отца жажду знания, которая лежит в основе каждого такого предприятия.

В эту минуту все предостережения его сестры улетучились и были забыты. Картина, которую она обрисовала ему, исчезла из его памяти, и то, что он сейчас видел в Лэмбере, было: благодетель, заступник, деловой человек. Он видел теперь все яснее (так он говорил сам себе), без предрассудков (это он мог бы сказать сестре): это дело нужно обстоятельно взвесить и обдумать. Все прошлое, в котором он не знал лишней лишь благодаря почти материнской заботливости и самопожертвованию сестры, теперь было забыто.

– Я... я право не знаю, что мне сказать на это, – заикаясь, произнес он, – само собой понятно, я с удовольствием стал бы продолжать начатое отцом дело, с большим удовольствием, меня всегда влекло к такого рода рискованным предприятиям.

Возможности, которые ему открывались, захватили дух. Когда затем Лэмбер протянул ему руку, он с горячностью схватил ее и с благодарностью пожал – он, который явился сюда с твердым намерением прекратить знакомство.

– Он как масло, – заметил после его ухода Уайти, – держи его подальше от льда, и ты в нем можешь быть вполне уверен... Лед – это и есть затруднение.

Лэмбер с сомнением покачал головой.

Глава V

Фрэнсис Сеттон кончил свой доклад и старался теперь с невероятным спокойствием изменить взгляды сестры.

Она стояла у окна, пальцем рисовала фигурки на полированном столе и смотрела на улицу.

Во время своей попытки убедить сестру Фрэнсис становился нелогичным и слишком громким, что действовало на нее. До сих пор она держала себя спокойно, и когда он в пятый раз привел свои доводы, он ее злобно упрекнул в упрямом молчании.

– Ты мне не давал возможности говорить, Фрэнсис, и я совершенно сбита с толку переменной твоих взглядов.

– Видишь ли, Синтия, – перебил он ее нетерпеливо, – напрасно ты снова об этом начинаешь; Лэмбер светский человек, и к нему нельзя подходить с меркой, которую употребляют в монастырях и женских пансионах; и если ты со мной часами будешь спорить, ты меня не убедишь. Я поставлю на своем. Это случай, который никогда не повторится. Отец, наверное, дал бы свое согласие.

Он укоризненно замолчал, но она не воспользовалась возможностью возразить ему.

– Ради бога, Синтия, доставь мне удовольствие, не дуйся.

Она обернулась.

– Ты помнишь, в каком состоянии ты недавно вернулся домой? – спросила она, и юноша покраснел.

– Некрасиво с твоей стороны напоминать об этом, – сказал он поспешно, – мужчине позволительно иногда сделать глупость.

– Я не об этом, – возразила она, – я просто хотела напомнить, что тебя привел домой джентльмен, который Лэмбера знал лучше нас с тобой... а? Ты хотел что-нибудь сказать?

– Продолжай, – ответил юноша торжествующе. – Я тебе после скажу кое-что по этому поводу.

– Он говорил, что Лэмбер представляет собой нечто худшее, чем кутила и жуир; он говорил, что Лэмбер – преступник, человек без совести и чести.

Когда она кончила, на лице Сеттона появилась улыбка.

– А знаешь ли ты, кто был этот джентльмен? – спросил он, радуясь. – Это Амбер... ты никогда о нем не слыхала?

Она отрицательно покачала головой.

– Он вор, известный вор, неделю тому назад выпущенный из тюрьмы, – вот кто этот Амбер.

– Мистер Амбер, – доложила в эту минуту горничная.

Амбер, как цивилизованный человек, был одет по всем правилам моды. Его наглухо застегнутое пальто было скроено по последнему фасону. Цилиндр блестел, белье ослепляло своей белизной, и так же белы, как лаковые перчатки, были его гетры на лаковых ботинках.

Он выглядел таким элегантным, будто его только что взяли из витрины конфекционного магазина.

Он улыбнулся юноше, который его появлению ни в какой степени не был рад, и протянул руку девушке.

– Приглашен в гости, – сказал он лениво, – зашел по дороге: автобусы проходят мимо дверей, очень удобно; что мне в Лондоне нравится, это легкость, с которой попадешь из одного конца города в другой. Разрешите положить шляпу?.. Благодарю вас. Ну а как вы поживаете?

Сеттон промычал что-то в ответ и направился к двери.

– Одну минуту, Фрэнсис.

Синтия при появлении Амбера побледнела, и ее пальцы, рисовавшие на столе фигурки, немного задрожали; теперь она снова вполне овладела собой, хотя и была бледней обыкновенного. Юноша остановился и посмотрел предостерегающе на сестру.

– Мистер Амбер, – начала она, не обращая внимания на сигнализацию Фрэнсиса, – думаю, что поступлю справедливо, если повторю то, что только что услышала о вас.

– Синтия, прошу тебя! – перебил Сеттон сердито.

– Говорили, что у вас дурная слава.

– Мисс Сеттон, – ответил Амбер серьезно, – у меня действительно дурная слава.

– И... и что вас только недавно выпустили из тюрьмы, – пролепетала она, избегая его взгляда.

– Если вы под «недавно» подразумеваете почти неделю, то и это правда.

– Что я тебе говорил! – крикнул Сеттон и ликующе засмеялся.

Амбер повернулся к нему.

– Милый мой Сеттон, – сказал он с упреком, – зачем смеяться? Не так уж смешно сидеть в этой самой тюрьме, так чего же вы радуетесь, мой Сеттон? – он вопросительно поднял брови.

Что-то заставило Синтию взглянуть на него. Она ожидала увидеть смущенное, полное стыда лицо; вместо этого она удостоверилась, что упрек, который он бросил ее брату, вполне серьезен.

– Все мои прежние неудачи и несчастья вас не могут интересовать, мисс Сеттон, – сказал он немного печально. – Когда я в ту достопамятную ночь вошел в двери известного вам заведения, в которое я не пригласил бы даже подневольных людей, если у них есть хоть капля самоуважения, например, орудие исполнительной власти судебного закона – тюремного сторожа, – я не припоминаю, чтобы в ту ночь вы требовали от меня удостоверение личности или доказательства моей хорошей славы.

Затем он обратился к юноше.

– Мистер Сеттон, – сказал он кротко, – мне кажется, что вы немного несправедливы и опрометчивы: я явился сюда, чтобы со всей предосторожностью, какая требуется в этом деле, покаяться в своих преступлениях, уловках, трюках, подкупах, арестах, дав при этом пояснение, с какой легкостью молодой упрямый кавалерийский офицер может очутиться на краю пропасти – пропасти, которая ожидает каждого безрассудного ездока, если он скачет на малопригодных лошадях.

Все это он произнес не переводя дух и, по-видимому, был доволен собой и описанной им картиной своей прежней жизни. Он выпрямился и вставил в глаз монокль. Затем он поклонился молодой девушке и забавно улыбнулся молодому человеку.

– Одну минутку, мистер Амбер! – К ней снова вернулся дар слова. – Я не могу допустить, чтобы вы так от нас ушли, ведь мы ваши должники, Фрэнсис и я...

– Сохраните обо мне добрую память, – сказал Амбер тихо, – это будет для меня большой наградой, мисс Сеттон.

Она быстро направилась к нему и протянула ему руку, которую он взял.

– Мне очень жаль. – Это было все, что она сказала, но по пожатию руки почувствовала, что он ее понял.

В то время как они пожимали друг другу руки, Сеттон выскользнул из комнаты, так как ожидал гостей и услышал в коридоре звон колокольчика.

Они не заметили, что остались одни.

Синтия взглянула на Амбера, и в этом взгляде отражалось бесконечное сострадание.

– Вы слишком порядочны, слишком порядочны для такого образа жизни, – сказала она. Амбер покачал головой, и она заметила на его лице грустную улыбку.

– Вы ведь не знаете, – сказал он учтиво, – не расточаете ли вы даром свое сострадание... я кажусь себе подлецом, когда вы жалеете меня.

Она не успела ему ответить, как в комнату ворвался Сеттон; за ним следовали щегольски одетый Лэмбер и неизбежный Уайти.

Увидев пришельцев, Синтия была в первую минуту смущена. Привести этих господ в ее дом было чересчур большой смелостью со стороны ее брата. Она и без того приняла бы их лишь по необходимости; но теперь, когда она угадала, что их сюда привели, чтобы окончательно смутить Амбера, она едва сдерживала свое раздражение.

Первые же слова Сеттона подтвердили ее предположение.

– Синтия, – сказал он, не скрывая своего ликования, – вот те джентльмены, которых заподозрил мистер Амбер. Не подтвердит ли он свое обвинение?

– Молод, очень еще молод, – возразил терпеливо Амбер, учитель, бросающий упрек молодежи в том, что они молоды. – И вот вам доказательство, – он указал на Лэмбера и его спутника, которых он так глубоко обидел. – А теперь, мой Лэмбер, что вы можете нам поведать интересного, чего бы мы не знали?

– Я знаю, что вы вор, – ответил Лэмбер.

– Правильно, о король! – весело согласился Амбер.

– Знаю, что вас три или четыре раза судили за различные преступления.

– Звучит, как детский лепет. Продолжай, мой Лэмбер.

– Мне кажется, этого достаточно, чтобы выгнать вас из порядочного общества.

– Достаточно, больше чем достаточно, – сознался не смущаясь молодой человек, меланхолически улыбаясь. – Ну а что скажет мой бедный Уайти?

– Вы, Амбер... – начал Уайти.

– Я уже имел случай, – перебил его строго Амбер, – заметить вам, чтобы вы ни при каких обстоятельствах не позволяли себе вольностей с моим именем; я для вас мистер Амбер, мой Уайти.

– Мистер или не мистер, вы мошенник...

– Что такое?

Выражение лица Амбера смутило даже такого опытного человека, как Уайти.

– Я хочу сказать, вы самый обыкновенный вор, – поправился он.

– Это уже звучит лучше, – сказал Амбер, – другое выражение неприлично, и джентльмену не следовало бы его употреблять, ну а что же еще?

– Этого достаточно, – ответил тот.

– Да, по-моему, тоже достаточно, – подтвердил Амбер, он насмешливо посмотрел на каждого из мужчин. – Больше чем достаточно, – повторил он. – Мы уличены, опозорены, уни-что-же-ны, как сказал бы один мой добрый приятель.

Он расстегнул свое пальто и вынул из бокового кармана изящный, сафьяновой кожи, бумажник. Своей серебряной отделкой этот бумажник привлекал внимание даже тех, кто его никогда раньше не видал. Но один из присутствующих слишком хорошо его знал. Лэмбер быстро подскочил и хотел его взять.

– Это принадлежит мне! – крикнул он.

Но Амбер предупредил его.

– Нет-нет, – сказал он, – тут присутствует дама, сохраните эту грубую шутку на другой раз.

– Он принадлежит мне, – злобно рычал Лэмбер, – он был у меня украден в ту ночь, когда вы ворвались к «Уайстлерам». Мистер Сеттон, на прошлой неделе он покинул тюрьму, сегодня он в нее возвратится! Будьте так добры, прикажите позвать полисмена.

Юноша стоял в нерешительности.

– Не трудитесь – не устраивайте скандала, – сказал спокойно Амбер. – Вот ваш бумажник – вы найдете в нем все деньги в целости. – Он передал бумажник. – Я только оставил себе, –

продолжал он, – как бы в награду за мою честность, как бы на память случайной шутке – всего только одну пятифунтовую бумажку... комиссионные, что ли...

Бумажка зашелестела у него в руках.

Синтия, смущенная, смотрела то на одного, то на другого и ясно заметила, как лицо Лэмбера покрылось от страха смертельной бледностью.

Глава VI

Лэмбер и Уайти не обменялись ни единым словом, пока ехали в автомобиле в контору толстяка. Они неожиданно и поспешно распрощались с Сеттонами и вышли сразу за Амбером.

Контора уже была закрыта, и Грен уже успел уйти, когда Лэмбер, затворив за собой дверь своего кабинета, бросился в кресло.

– Ну что ты скажешь? – спросил Уайти, пристально глядя на Лэмбера.

– Фу! – простонал Лэмбер, отирая пот с лица.

– Ну? – повторил Уайти строго.

– Уайти, этот парень нас поймал.

Презрительная улыбка скривила лицо Уайти, когда он своим пронзительным голосом ответил:

– Тебя легко победить, ты баба, тряпка, ты...

– Послушай, Уайти, – перебил его Лэмбер, боявшийся больше всего на свете припадков бешенства своего коллеги, – мы должны быть готовыми ко всему; надо войти с ним в соглашение – подкупи его!

– Подкупи! – презрительно засмеялся Уайти. – Подкупить Амбера – дурак! Разве ты не видишь, что он честен! Да, этот парень честен, и этого нельзя забывать!

– Честен... то есть как?..

– Честен, честен, честен! – кричал Уайти и бил кулаком по столу. – Ты что, ослеп, не видишь, что ли? Неужели ты не замечаешь, что поступки этого арестанта, вора – порядочны?

Наступило молчание. Уайти подошел к окну. Лэмбер сидел с поникшей головой и занялся маникюром. Через некоторое время Уайти снова обратился к Лэмберу.

– Как обстоят дела? – спросил он.

Лэмбер пожал плечами и ответил:

– Дела обстоят очень скверно; мы должны во что бы то ни стало обработать это алмазное дело; ты гений, Уайти, тебе удалось уговорить этого мальчишка; если нам удастся послать его туда осуществить наши планы, мы спасены.

– Ничто нас не спасет! – заорал на него Уайти. – Мы попались, Лэмбер; речь идет не об алмазных россыпях – это все ерунда, а об уголовном преступлении, которое может окончиться для нас с тобой двадцатью годами; полиция по всему свету рыщет в поисках человека, умеющего изготавливать такие банкноты, и Амбер может навести на след.

Наступило опять долгое молчание, причем каждый погрузился в свои собственные мысли. Оба измышляли планы своего спасения.

– Надеюсь, у тебя здесь ничего нет? – нарушил наконец тишину Уайти.

– Нет... да, – нерешительно ответил Лэмбер, – пара пластин.

– Идиот! – прошипел Уайти. – Тварь безмозглая! Здесь! Здесь, где они прежде всего будут искать...

– В моем личном сейфе, – сказал толстяк, оправдываясь, – ни у кого, кроме меня, нет ключа к нему.

– Завтра же мы должны их уничтожить, Лэмбер; скорее я соглашусь находиться в руках Амбера, чем зависеть от такого идиота, как ты.

Лэмбер молчал. Уже успело стемнеть, и Уайти угрюмо заметил:

– Нет никакого смысла торчать здесь, пойдем ужинать, в конце концов, может быть, мы напрасно волнуемся.

Он снова занял свое старое положение подчиненного. Лишь в минуты злобы он возвышался над своим господином. Эта частая перемена была характерной чертой в их взаимоотношениях.

Лэмбер же снова занял положение начальника.

– Ты слишком много ругаешься, – сказал он, когда они спускались по лестнице. – Ты слишком легко поддаешься пессимизму, и, кроме того, когда ты ругаешься, ты становишься неприятным.

Они отправились ужинать в первый попавшийся ресторанчик на Флит-стрит.

– Все равно, – сказал Уайти, садясь к столу, – мы во что бы то ни стало должны избавиться от этих пластинок. Что касается банкноты, то мы уж как-нибудь вывернемся; тот факт, что она находится у него, скорее на пользу нам, чем ему, – он личность подозрительная и значится в списках.

– Это верно, – согласился Лэмбер, – мы их завтра спрячем; я знаю одно место...

– Сегодня! – определенно заявил Уайти. – Нет никакого смысла ждать до завтра; нас могут арестовать завтра – завтра же мы можем очутиться в тюрьме.

– Значит, сегодня после ужина, – поспешил согласиться Лэмбер, так как чувствовал приближение припадка Уайти. – Скажи, пожалуйста, что ты знаешь об Амбере – кто он такой?

Ранее было высказано много мнений и взглядов относительно Амбера, но все они, за исключением одного, исходили из уст самого Амбера. Правдив ли рассказ Уайти, покажет дальнейшее.

– Амбер? Он сумасбродный оригинал. Он перепробовал все профессии, начиная от ковбоя до артиста. Он ворует, потому что это доставляет ему удовольствие, так же как другие увлекаются филателией. Это в нем самое существенное. Он был осужден за спекуляцию, которую начал ради шутки, и после отбытия наказания у него вошло в обыкновение заниматься тем же делом, только каждый раз видоизменяя его.

Они еще не успели закончить ужин, когда стрелки многочисленных часов на Флит-стрит показывали половину десятого.

– Ну пойдем, – предложил Лэмбер, – к счастью, около конторы нет сторожа.

– Ключ от парадного у тебя? – спросил Уайти.

Лэмбер утвердительно кивнул.

Они пошли медленно вдоль Флит-стрит, которая в это время всегда бывает пустынна, прошли мимо полисмена, проверявшего замки дверей и пожелавшего им доброго вечера, и, дойдя до своей конторы, остановились.

– Я все больше и больше прихожу к убеждению, – сказал Уайти, – что эта экспедиция молодого Сеттона наше счастье. Ах, если бы дело уж так далеко подвинулось, что мы могли бы достать денег, чтобы прикрыть все эти подлоги и обманы и забыть о них.

– В свое время я тоже об этом думал, – ответил Лэмбер, – но я захотел тогда быть слишком умным. Эх, черт!

– В чем дело? – спросил Уайти.

– Да вот замок... никак не привыкну к нему... ага, вот!

Ключ повернулся, и дверь отворилась, он запер ее за собой и зажег спичку, освещая путь. Дойдя до верхнего этажа, он остановился, попросил Уайти зажечь спичку, а сам достал ключи от конторы.

Почему-то замок не поддавался.

– Вот странно, – пробормотал Лэмбер и попробовал еще раз повернуть ключ, но тщетно.

– Дай я попробую, – сказал Уайти и старался силой повернуть ключ, но также напрасно; тогда он нажал на ручку двери, и она открылась.

– Не заперто, – заметил он, а Лэмбер стал ругаться.

– Идиот Грен, сколько раз я ему говорил, чтобы он проверял, заперта ли дверь, прежде чем уйти.

В первой комнате не было электрического освещения, поэтому он зажег спичку, чтобы найти дверь в свой кабинет.

Он достал другой ключ и, отпирая дверь, сказал:

– Пойдем сюда, помоги мне достать вещи из сейфа... Кто тут?

Кто-то находился в комнате. Он это скорее почувствовал, так как в помещении было темно и в комнату падала лишь узкая полоса света от уличного фонаря.

– Держи дверь, Уайти! – крикнул он и зажег спичку.

По прошествии нескольких секунд, пока его глаза привыкали к темноте, вдруг послышалось его проклятие.

Сейф... его личный сейф был взломан.

Затем он различил у письменного стола согнувшуюся фигуру мужчины; он бросился к нему, и спичка выпала из его рук.

В мерцании гаснувшей спички он увидел, как фигура выпрямилась, и в то же мгновение получил такой сильный удар стального кулака в лицо, что потерял равновесие и упал с шумом на спину. Уайти, стоявший у двери, подскочил, но чьи-то руки схватили его за горло, подняли, как кошку, в воздух и с силой швырнули об стену...

– Зажги же спичку! – свирепо заорал первым очнувшийся Лэмбер. – Свет, зажди же свет! У окна есть газовый рожок. Черт его побери, чуть не убил меня.

Уайти дрожащими руками зажег газовый рожок; Лэмбер поднялся, он был растрепан, а по лицу струилась кровь. При падении он ударился головой об острый край письменного стола.

Он подбежал к сейфу и стал лихорадочно выбрасывать оттуда разные бумаги; вдруг он зарычал, как зверь.

– Нету! Пластины пропали, не так ли? – Уайти это сказал полусшепотом. – Тем лучше, это свернет шею Амберу... Амбер, – повторил он хрипло. – Я узнал его, ты знаешь, что это означает?

– Амбер, – пробормотал ошеломленный Лэмбер.

– Амбер, Амбер! Что ты, оглох, что ли? – прокричал Уайти.

– Что же нам делать? – беспомощно спросил Лэмбер.

– Что делать! – засмеялся Уайти, и в этом смехе чувствовалась вся его ненависть. – Мы должны разыскать Амбера, должны его уличить и должны покончить с ним. К черту его!

Глава VII

Петер Муск занимал верхний этаж в доме № 19 по Редкоу-Курт-стрит и считался хозяином дома идеальнейшим жильцом, так как аккуратно вносил деньги за квартиру.

Из трех комнат одну занимал Петер, другую Амбер («Мой племянник из деревни», – говорил он всем), а третья была спальней Петера.

Петер как раз дочитал книжку до захватывающей главы, в которой описываются похождения прекрасного Хейка, грозы Техаса, когда вошел Амбер.

Он торопливо вбежал в комнату и громко расхохотался, когда за ним закрылась дверь.

Петер посмотрел на него поверх очков и опустил роман на колени.

Амбер вынул из кармана два плоских и тяжелых пакета, завернутых в газетную бумагу, и положил их осторожно на стол. Затем он подошел к камину, на котором горела лампа, и стал внимательно осматривать свой костюм.

– В чем дело? Что ты ищешь?

– Кровь, мой Петер, – ответил Амбер, – пролитою человеческую кровь. Я вынужден был немного круто обойтись с одним джентльменом, имея при себе лишь оружие первобытного человека, а именно кулак!

– Что?

Петер вскочил на ноги, Амбер же сказал, продолжая улыбаться:

– Читай дальше, больше я тебе ничего не скажу.

Петер остановился как вкопанный, услышав эти неожиданные слова, но Амбер своей улыбкой смягчил впечатление.

Он продолжал тщательный осмотр своего костюма и затем его снова надел.

– Предательских пятен не имеется, – сказал он и подошел к столу, где лежали пакеты. Он вынул из кармана еще одну плоскую круглую коробку, нажал на пружину, и крышка отскочила.

Петер с интересом следил за ним.

– Да это ведь компас, – сказал он удивленно.

– Правильно, мой Петер, это компас, и он имеет тот недостаток, что безбожно врет и неправильно указывает путь. Это чертовский инструмент, сбивающий с пути людей. Одним словом, невероятная дрянь.

Он повертел его в руках, покачал головой и положил рядом с собой на стол. Затем он развернул принесенные им пакеты. В них оказались две стальные пластинки со странной гравировкой. Он нагнулся над ними, осмотрел их внимательно и затем громко, торжественно засмеялся.

– Амбер, – сказал Петер, беспокойно глядя на него, – ты что-то затеваешь, чего я не знаю. Я, который до сих пор знал о всех твоих похождениях.

Это было не совсем так, но Петеру нравилось быть соучастником всех его бессовестных побуждений.

– Да, я затеваю кое-что, – ответил Амбер, тщательно завертывая пластинки. – И то, что я затеваю, – такого сорта, что, если бы полиция нашла у меня здесь эти штучки, я лет на семь попал бы под замок, да и ты не меньше как соучастник.

Возможно, что комната была плохо освещена, но казалось, что Петер побледнел от такой перспективы.

– Это дело немного опасно? – спросил он боязливо. – Если ты так много ставишь на карту – что это?

– Фальсификация, – ответил Амбер спокойно. – Фальсификация банкнот, денежных знаков Англии.

– Закопать, – пролепетал, шатаясь, Петер.

– Я тоже так думаю, – заметил Амбер. – Я отнесу их в надежное место.

– Куда? Будь осторожен, не попадись и не втяни меня в эту историю, после того как я уже столько лет не был в тюрьме. Брось их в реку; найми лодку внизу на площади Ватерлоо, – советовал он полупшепотом, пока Амбер не ушел.

Амбер завернул на Борг-стрит и пошел по направлению к Лондонскому мосту. Он должен был пройти мимо полисмента, и судьбе было угодно, чтобы тот его знал; полисмен подозревал его, и Амбер, в планы которого как раз не входили расспросы полицейского, не знал, что делать; идти дальше и сделать вид, будто он не слышал, значило разозлить его, поэтому он остановился.

– Ну, мистер Амбер, – подразнил его полисмен, – как я вижу, вы опять на свободе. Ну что же, мы теперь исправимся?

– Настолько, – сказал Амбер, – что вы, сэр, сможете с меня пример брать.

Он знал, что из его кармана выглядывают завернутые пластинки, и чувствовал, что полисмен сейчас начнет его расспрашивать относительно содержания пакетов, поэтому он, ища спасения, оглянулся по сторонам; он увидел медленно приближающийся автомобиль и поднял руку.

– Вы что же, теперь хотите на более опасные авантюры пуститься? – неодобрительно спросил полисмен.

– Вот именно, – согласился Амбер и обратился к шоферу, который в это время остановил машину. – В Скотланд-Ярд, – приказал он и затем обратился снова к полисмену с вопросом: – Как вы думаете, застану я сейчас главного инспектора Фелса?

– Инспектора Фелса? – переспросил тот с уважением. – Не смогу вам сказать, мы мало что знаем о чиновниках Скотланд-Ярда... А зачем он вам нужен?

– Очень сожалею, что не могу удовлетворить вашего любопытства, – ответил Амбер, садясь в машину, – но я сообщу инспектору, что вы это очень хотели бы знать.

– Слушайте, Амбер, – заторопился полисмен, подойдя ближе, – вы этого не сделаете?

– Нет, – успокоил его Амбер, – я только пошутил.

Машина тронулась, и Амбер видел через маленькое окошечко сзади, как полисмен с сомнением покачал головой.

Когда машина отъехала, Амбер облегченно вздохнул: одна опасность миновала. Ему оставалось не больше десяти минут обдумать план действий, и раньше чем машина скользнула по Вестминстерскому мосту и загнула к Скотланд-Ярду, он уже принял определенное решение.

За письменным столом сидел дежурный инспектор и писал какие-то бумаги; он вопросительно посмотрел на вошедшего.

– Я бы хотел видеть мистера Фелса, – сказал Амбер.

– Фамилия?

– Амбер.

– Не знаю. По какому делу?

Вместо ответа Амбер подошел ближе к письменному столу и скрестил на нем два пальца.

Инспектор что-то промышчал и снял телефонную трубку.

– Один из наружных... хочет говорить с мистером Фелсом... Да. – Он повесил трубку. – Сорок семь, – сказал он. – Вы знакомы с ходами.

Случайно Амбер с этим не был знаком, но ему нетрудно было найти сорок седьмую комнату; это была приемная.

Инспектор Фелс последние двадцать лет принимал участие во всех сложных криминальных делах. Это был невысокого роста коренастый человек, лысый, с коротенькой козлиной бородкой. Вздернутый нос, высокий лоб, кроткие голубые глаза и масса морщинок от постоянного смеха ни в какой мере не выдавали в нем сыщика.

– Господи, Амбер, голубчик! – вскричал сыщик. – Входи и закрой за собой дверь. Ну?..

Он открыл ящик письменного стола и вынул сигары. Он всегда радовался своим клиентам, а Амбер был его особенным любимчиком, хотя, по его убеждению, он с Амбером еще никогда не встречался... по долгу службы!

– Хотите сигару?

Амбер выбрал себе осторожно «суматру» и закурил ее.

– Что вам угодно? Исповедь?.. О! Вы, вероятно, хотите кого-нибудь посадить за решетку. Мне сказали по телефону, что один из наружных меня желает видеть.

Амбер отрицательно покачал головой.

– Я это сказал для того, чтобы меня беспрепятственно допустили к вам... Один старый арестант, которого я встретил в тюрьме, ознакомил меня с этим знаком...

Он вынул из кармана пакеты и положил их на стол.

– Это мне? – спросил заинтересованно сыщик.

– Вам, Ястребиный Глаз, – ответил Амбер.

Сыщик развернул пакеты, и крик удивления вырвался у него, когда он увидел их содержимое.

– Да... но, господи, – сыщик свистнул. – ведь это не ваша работа? Это не по вашей части. Откуда у вас это? – спросил он, пристально на него глядя.

– Это единственное, что я вам не сообщу, – ответил спокойно Амбер, – но если вы желаете знать, то я вам объясню, как я их добыл: я произвел взлом и нашел это в денежном шкафу одной конторы.

– Когда?

– Сегодня ночью.

Инспектор нажал кнопку электрического звонка, и в комнату вошел полисмен.

– Разослать по всем участкам извещение: в случае поступления сведений о взломе конторского помещения жалобщика поставить под надзор.

Полисмен записал приказ и вышел.

– Я разослал это на тот случай, если вы не измените своего решения дать мне нужные сведения.

– Я вам этого не сообщу, – решительно сказал Амбер. – Во-первых, вам принесет это мало пользы, если вы не знаете, где находится место изготовления денежных знаков. Во-вторых, у такой шайки имеется масса вспомогательных средств, и если вы захотите ее раскрыть, то вам в руки попадет лишь хвост, само же тело ускользнет от вас.

– Я бы мог поставить их под надзор, – начал инспектор.

– Ха! – возразил иронически Амбер. – Надзор окажется безрезультатным! Они вмиг раскроют вашего наблюдателя; они узнают его по сапогам, по подбородку. Я знаю ваших людей, и смог бы их в толпе распознать. Нет, это не то, что я думаю...

Амбер в нерешительности остановился.

– Дальше! Возьмите еще сигару, – подбодрил его инспектор.

– Нет, благодарю вас, – сказал Амбер серьезно. – Я прошу вас обратить весь ваш пылкий ум, весь ваш опыт в сторону дела, которое касается как вас, так и меня. Малейшая оплошность может возыметь как раз обратное действие.

Он замолчал на минуту, встал и начал шагать по комнате.

– В тюрьмах Англии много говорят о шайке, которая распространяет фальшивые банкноты, и не только английские, но и иностранные, – начал он.

– Не в одних только тюрьмах, дорогой мой Амбер, – перебил его сухо инспектор, – нам бы очень и очень хотелось словить эту шайку. – Он взял одну из пластинок и посмотрел ее на свет. – Хорошо выглядит, но без оттиска трудно судить, какова она в действительности.

– Предположим, – Амбер наклонился к инспектору и продолжал серьезным тоном, – предположим, что это дело рук той самой шайки... Предположим, что я могу напасть на их след... Вы бы приняли меня к себе?

Одно мгновение они смотрели друг на друга, потом складочки вокруг глаз инспектора задрожали, и он разразился неистовым хохотом.

– Инспектор, – сказал с упреком Амбер, – вы меня обижаете.

Комичный протест Амбера не подействовал на инспектора, он продолжал смеяться, так что слезы у него потекли из глаз.

– Ах, черт вас возьми, ну и заставили же вы меня хохотать, – сказал он, наконец успокаиваясь.

Он встал, достал из стенного шкафа какие-то бумаги и положил их на стол.

– Ваши злодеяния, – подсмеивался он. – Опись ваших преступлений.

Амбер ничего не ответил и только задумчиво почесал подбородок.

– По моему подсчету, – медленно продолжал инспектор, – вы за вашу короткую, но темную карьеру были осуждены в совокупности к восьмидесяти годам тюремного заключения.

– Порядочно, – ответил Амбер.

– Как же вы хотите, чтобы я не смеялся, если после этого вы приходите ко мне, говорите, что хотите исправиться и поступить в отделение уголовной разведки. Но серьезно, – продолжал он тише, – можете вы что-нибудь сделать для нас в этом деле?.. Начальник тоже как раз занят разрешением этого же вопроса.

Амбер утвердительно кивнул головой.

– Думаю, что да, – ответил он, – если я смогу пробыть еще только неделю на свободе.

– Попробуйте, – улыбаясь, сказал Фелс.

– Попробую, – весело ответил Амбер.

Глава VIII

Лондон никогда не спит. Абсолютной тишины и спокойствия в нем никогда не наступает. Долго за полночь, когда давно умолк гул созидającego труда, раздаются еще дребезжание трамваев и гудки автомобильных рожков, – затем на некоторое время наступает сравнительная тишина, но вскоре вдали раздаются пронзительные гудки паровозов и грохот вагонов маневрирующего состава товарного поезда где-то вдалеке на сортировочной станции, с ее световыми сигналами, стрелочниками, сцепщиками и прочим. Новый день начался. Затем начинают гроыхать рыночные повозки, направляющиеся в Ковент-Гарден; все больше и больше начинает катиться по улицам колес, шум все увеличивается, на церковной башне раздается глухой бой часов, и пешеходы начинают стучать каблуками по тротуару...

Метавшийся в постели Лэмбер все это слышал, даже больше, до него доносились звуки, происхождение которых нужно было искать в его воображении. Перед его дверью вдруг останавливались чьи-то шаги, и возбужденно перешептывались какие-то голоса. Ему чудилось бряцание цепей от стальных наручников. Временами он на короткий срок впадал в дремоту, потом вдруг снова вскакивал с постели. Холодный пот выступал у него на всем теле, и он напряженно прислушивался ко всем казавшимся ему звукам. Маленькие часы на камине мерно тикали: «десять лет, десять лет». Он не вытерпел, соскочил с кровати и, завернув часы в полотенце и халат, сунул их под диван, чтобы не слышать это ужасное предсказание.

Всю ночь он бодрствовал, и в голове мелькали планы, проекты и варианты бегства, если таковое потребуется. В его повязанной голове стучало, стучало, и он все думал и думал.

Если пластины у Амбера, что он станет с ними делать? Трудно представить, чтобы он их отнес в полицию. Скорее можно было предположить, что он ими воспользуется для шантажа. Если дело обстоит так, то это совсем просто. Уйти в таком случае найдет выход, он отъявленный мерзавец без совести и сожаления... Лэмбер ужаснулся... нельзя же в самом деле думать об убийстве, подумал он.

На днях еще он читал статью, в которой доказывалось, что лишь четыре процента всех убийц в Лондоне удалось поймать... Если на этот раз каким-нибудь чудом все сойдет благополучно, Лэмбер решил начать новую, честную жизнь. Он решил отказаться от маклерства серебром, от типографии и заняться исключительно алмазными россыпями. Если при учреждении общества и не все было честно, то все это забудется, коль скоро дело будет доведено до благополучного конца... Появился бы де Бирс, вступил бы в дело компаньоном, и Лэмбер сделался бы миллионером... другие тоже сумели нажать миллионы и тем самым заставили позабыть о своих прежних темных делишках.

К рассвету он впал в беспокойную дремоту, и стук в дверь заставил его соскочить с кровати. Его охватил безумный ужас, и взгляд его невольно направился к ночному столику, где лежал револьвер.

– Открой, Лэмбер! – раздался снаружи нетерпеливый голос Уайти.

Лэмбер дрожащими руками отпер дверь.

В комнату, ворча, вошел Уайти. По его виду нельзя было предположить, что и он провел бессонную ночь.

– Хорошо, что ты живешь в гостинице, а то я бы не достучался. Но что я вижу, на кого ты похож? – выпалил Уайти и неодобрительно покачал головой.

– Молчи, Уайти, я провел ужасную ночь, – сказал Лэмбер и, налив воды в таз, окунул в нее лицо.

– Я вообще не ложился, – возразил Уайти, – а похож я на мокрую курицу? Надеюсь, что нет. Ты спокойно лежал в кровати, а я блуждал по улицам в поисках Амбера... и наконец его нашел! – торжествуя заявил он.

Лэмбер, вытиравший лицо мохнатым полотенцем, пристально на него посмотрел.

– Но ты ведь его не... – произнес он, дрожа от страха.

– ... Не убил, нет-нет, если ты это хочешь сказать, – перебил его Уайти. – Не делай слишком поспешных выводов, это ты умеешь. Нет, я его не убил – он живет на Буруг-стрит, – добавил он между прочим.

– Как ты это разузнал? – спросил Лэмбер.

– Не болтай зря, одевайся, – приказал Уайти. – Оставь Амбера в покое и займись лучше алмазами.

– То же самое и я думал, – поспешно сказал Лэмбер. – Не отправиться ли нам самим туда?

– Самим... отправиться... в Центральную Африку? – закричал на него Уайти. – Жара... Лихорадка... брр... нет, ерунда! Я отправлюсь к мисс Сеттон, объясню ей все и выставлю всю историю в таком свете, будто мы зависим от ее милосердия... Я сговорился с молодым Сеттоном встретиться здесь.

– Уже?

– Конечно, – ответил Уайти, – по телефону.

– А что с Амбером и пластинами?

– Шантаж, – довольно улыбаясь, ответил Уайти.

– Так я и предполагал... А что Сеттон?

– Он явится сюда к завтраку, одевайся скорее.

Через полчаса они снова встретились в большом вестибюле гостиницы. Ванна и парикмахер привели Лэмбера в надлежащий вид, но все же после столь тревожной ночи он с черной шелковой повязкой на голове выглядел очень скверно.

Ровно в девять часов явился Сеттон; он держал себя крайне важно, как будущая знаменитость. Они втроем направились в ресторан.

Фрэнсис Сеттон был очень непостоянен. Он мог выйти из дома с твердым намерением сделать одно и вернуться через час с таким же твердым решением, которое, однако, было диаметрально противоположно первоначально намеченному плану, причем – как это ни странно – он не отдавал себе в этом отчета.

Однажды он явился к Лэмберу с твердым намерением прекратить знакомство. Теперь же он являлся к нему в совершенно другом состоянии духа; он являлся к нему, как любимец к великодушному покровителю.

– Нам нужно о многом переговорить, – начал Лэмбер, когда они сели за стол. – Из-за нахальства этого мерзавца Амбера, который считает себя вашим другом, я об этом вчера совершенно забыл.

– С удовольствием, – поспешил ответить Сеттон. – Это похоже на Синтию – возиться с таким негодяем, как Амбер, но смею вас заверить...

Лэмбер остановил поток красноречия широкой улыбкой.

– Мой мальчик, – сказал он великодушно, – я вас ни в чем не виню – не так ли, Уайти?

Уайти утвердительно кивнул.

– Я знаю Амбера, – Лэмбер указал на свою забинтованную голову, – вот Амбер.

– Господи! – воскликнул юноша. – Не хотите же вы сказать, что...

– Вот именно, – снова перебил его тот. – Прошлой ночью, когда я возвращался к себе в гостиницу, этот Амбер напал на меня с дюжиной ребят – не так ли Уайти?

– Да, это правда, – подтвердил тот.

– Но полиция? – энергично запротестовал молодой человек. – Несомненно, вы бы могли его арестовать!

– Полиция ничего не стоит, – возразил Лэмбер. – Они все заодно с ним – нет, мой мальчик, ты, по-видимому, понятия не имеешь о продажности полисменов, я бы тебе мог рассказать такие истории, что у тебя волосы дыбом встанут.

Посетовав еще немного на ненадежность полиции, он наконец сказал, оставив свою тарелку:

– Однако перейдем к делу. Вы обсудили мое предложение?

– Да, я очень много думаю о нем, – ответил юноша.

– Я полагаю, что необходимо будет составить договор или что-нибудь подобное.

– О, конечно... я рад, что вы об этом спросили. Мы еще сегодня утром об этом говорили, не правда ли, Уайти?

Уайти кивнул, зевая украдкой.

– Я только боюсь, что ваша сестра питает к нам недоверие, – продолжал Лэмбер. – Я очень сожалею об этом: это немного обидно. У нее создалось впечатление, будто мы хотим завладеть планом. Ничего подобного! Мы даже видеть его не хотим. Насколько нам известно, «поток» находится на северо-западе Алебиленда. Нет, в самом деле, – уверял Лэмбер, – мы не думаем, что этот план принесет вам пользу, – не так ли, Уайти?

– Да, – ответил тот рассеянно, – нет, хотел я сказать.

– Наш проект: послать вас туда удостовериться в правильности наших взглядов.

Таким способом они его уговаривали почти час, обсуждали и разбирали подробности экспедиции, издержки, и окрыленный надеждами юноша перенесся мысленно в иной мир и не замечал, как подчас делал неверные выводы.

Но оставалось еще преодолеть сопротивление Синтии Сеттон.

– Это пустяки, – сказал юноша необдуманно; как Лэмбер, так и Уайти не стали больше на этом настаивать. Все же они отдавали себе отчет, что с этой молодой мисс им придется очень и очень считаться, в особенности принимая во внимание ее рассудительность.

Когда они затем подходили к дому на Варвик-Гарден, они не разделяли оптимизма юноши, считавшего, что он уже сломил сопротивление своей сестры.

Фрэнсис Сеттон нажал на кнопку электрического звонка и вдруг повернулся к обоим мужчинам.

– Между прочим, кому принадлежит эта россыпь? Вам или моему отцу?

Неожиданность этого вопроса сделала Лэмбера неосторожным.

– Ваш отец открыл ее... – сказал он необдуманно и запнулся.

Уайти dokonчил за него.

– Но мы ее учредили, – добавил он тоном, не допускающим никаких препирательств.

Глава IX

Синтии Сеттон было двадцать три года. Она была не только красива, но имела еще и классически правильное лицо. У нее были темно-каштановые волосы, голубовато-серые глаза, прямой нос и очаровательные красные губы.

– У нее фигура женщины, а глаза ребенка, – описывал ее наружность Амбер, – и она меня пригласила на чашку чаю.

– И ты не пошел, – сказал Петер, одобрительно кивая головой. – Чувствовал, что твое присутствие может скомпрометировать этот невинный цветок. Нет, сказал ты небось про себя, я не пойду к ней и сохранию о ней лишь нежное воспоминание.

– По правде сказать, – ответил Амбер, – я из-за этой истории с Лэмбером совсем позабыл об этом свидании.

Они находились в квартире Петера, и птичье пение наполняло комнату.

– Нет, – продолжал Амбер задумчиво, – должен тебе признаться, что никакого такого разговора, как тебе подсказывает твоя романтическая душа, я не вел с самим собой.

Он посмотрел на часы. Было десять часов утра, он выглянул в окно, его мысли были заняты решением одной задачи.

– Я должен ее навестить, – сказал он, обращаясь больше к себе, и тут же начал подыскивать подходящий повод. – Затея Сеттона... компас... план... скрытые сокровища и тому подобные вещи, не так ли, мой Петер?

Глаза Петера заблестели из-за роговых очков, и он дрожащими руками стал искать на полке какую-то книгу.

– Тут у меня есть одна книга, она тебе может пригодиться... – Он вынул книгу, стер с нее пыль и подал ее Амберу. – Вот она – «Черноокий Ник, или Сокровищница в подземелье».

Амбер взял книгу у старика, перелистал ее быстро и, возвращая ее Петеру, сказал:

– Замечательно, положи ее к моей пижаме, я ее прочту перед сном.

Для Амбера было всегда облегчением, когда Петер его оставлял одного, чтобы отправиться за покупками. Закупки доставляли Петеру всегда огромную радость, и им предшествовало всегда тщательное составление списка.

– На пару пенсов птичьего корма, четверку чаю, две четверти сахара, четыре кольца дров, лавочнику сказать, чтобы прислал полцентнера угля, яйца, немного шпеку – ты ведь съешь сегодня шпеку, Амбер, не правда ли? Немного сушеной лососины, ребро, хочешь ребро?.. И фунт свежей картошки... Кажется, все.

Амбер видел в окно, как он вышел на улицу, и, когда Петер скрылся за углом, он направился в свою спальню и начал переодеваться.

Четверть часа спустя он направился уже на Варвик-Гарден.

Открывшая горничная сказала, что мисс Сеттон сейчас занята, но все же пропустила его в маленькую библиотеку.

– Одну минутку, – сказал Амбер; он вынул записную книжку из кармана, написал на вырванном листе несколько строчек и отдал горничной. – Передайте это.

Синтия была занята бесплодным и бесполезным разговором относительно предполагаемой экспедиции ее брата, когда горничная передала ей сложенную записку. Она вскрыла ее и покраснела.

– Хорошо, – сказала она горничной и смяла записку.

– Мне кажется, нет никакого смысла продолжать этот разговор, – обратилась она к присутствующим, – моего совета не спрашивают: если мой брат намерен взять на себя риск, так пусть он отправляется, каково бы ни было мое мнение относительно этого.

– Но, мисс Сеттон, – горячо возразил Лэмбер, – вы не правы; дело не только в плане, который вы так любезно нам предоставили...

– Предоставила моему брату, – поправила она его.

– Совершенно верно! Но дело не только в этом, – продолжал он, – нам было бы желательно, чтобы вы симпатизировали нашему большому проекту: нам это очень важно, мисс Синтия.

– Мисс Сеттон, – поправила она его.

– Для нас это означает гораздо больше, чем вы предполагаете; я вполне откровенно сознаюсь: основываясь на показаниях вашего отца, я учредил общество, я затратил на снаряжение этой экспедиции большие деньги. Я отправил вашего отца в Африку... и теперь меня беспокоят акционеры. «Где ваша россыпь?» – говорят они. А теперь, – его голос понизился до убедительного полусшепота, – вы меня обвиняете, не так ли, Уайти?

– Действительно, – ответил его товарищ.

– И я вынужден был применять и честные и сомнительные средства, – продолжал он. – Мне необходим был план, а вы отказывались его выдать. Не мог же я произвести взлом в вашей квартире.

– Удивительно, что вы это говорите, – ответила она, – действительно странно, что после моего отказа в выдаче плана в этом доме дважды пытались произвести взлом.

– Странно! – сказал Лэмбер.

– Невероятно! – поддакнул не менее удивленный Уайти.

– Пока вы это дело уладите, поскольку это меня касается, – сказала она, вставая, – вы меня извините, но я вас оставляю.

Она вышла из комнаты, и Амбер, ожидавший ее в маленькой библиотеке, услышав ее шаги, пошел навстречу.

Легкая краска покрыла ее щеки, когда она, удостоив его легким поклоном, пригласила сесть.

– Очень любезно с вашей стороны, мисс Сеттон, что вы меня принимаете, – сказал Амбер.

Ее кольнуло, что он себя держал так непринужденно. Мало надежды мог иметь мужчина, который не стыдился хвастать своим сомнительным прошлым, – в особенности перед женщиной, которая его мало знала.

– Я чувствую, что я вам осталась должна эту встречу, – ответила она. – Я желала бы... – она запнулась.

– Да? – Амбер поднял голову. – Что вы желаете?

– Нет, ничего, – ответила она, чувствуя, что краснеет.

– Вы желали бы мне помочь, – сказал он, улыбаясь, – но мисс Сеттон, полсвета хотели бы мне помочь, но я безнадежно погиб, я неисправим; так и смотрите на меня.

Как бы легко он не относился к вопросу о своей реабилитации, все же его интересовало, какое впечатление на нее произведет его отказ от помощи. У него стало легче на душе, но, с другой стороны, ему это несколько мешало, когда он увидел, что его самооценка ее удовлетворила.

– Я пришел сегодня, – продолжал он, – в связи с одним делом, которое имеет для вас огромное значение. Не будете ли вы так добры ответить мне на несколько вопросов?

– Пожалуйста, – просто сказала она.

– Ваш отец был исследователем?

– Да.

– С Центральной Африкой он был знаком очень хорошо?

– Да... очень хорошо!

– Он открыл россыпь... алмазную, кажется?

Она, смеясь, покачала головой:

– Это еще требует доказательства. Он слышал от туземцев об изумительной реке... они ее называли «потоком алмазов», потому что ее русло было усеяно алмазами, из коих многие под действием воды были отшлифованы и блестели... Это были, вне всякого сомнения, настоящие алмазы, мой отец приобрел некоторое количество у местного населения.

– Затем, как я предполагаю, – продолжал Амбер, – он возвратился домой и вступил в сношения с Лэмбером?

– Да, это так, – сказала она, удивляясь, какой оборот принял их разговор.

Амбер задумчиво кивнул.

– Конец этой истории мне известен, – сказал он. – Я постарался узнать обстоятельства, при которых скончался ваш отец. Вы получили от тамошнего наместника план?

– Да... но... – не решалась она продолжить.

Он улыбнулся:

– У меня нет никаких замыслов, но я бы с удовольствием взглянул на этот план... И раньше, чем вы мне откажете, мисс Сеттон, разрешите мне вас заверить, что не из праздного тщеславия и любопытства.

– Я вам верю, мистер Амбер, – сказала она, – если вы подождете, я вам его сейчас принесу.

Через несколько минут она возвратилась со свертком, из которого достала грязный кусок бумаги и вручила его бывшему арестанту.

Он подошел с ним к окну и внимательно стал его разглядывать.

– Я вижу, что исходная точка помечена названием Гаченгли... где это?

– В лесу Алеби, – ответила она, – до Гаченгли дорога обследована; отсюда мой отец стал зарисовывать местность, получая сведения о пути от встречных туземцев, – этот план он лично составил.

– Я вижу, – ответил он и снова стал изучать план. Затем вынул из кармана компас, который нашел у Лэмбера. Он положил его на стол рядом с планом, вынул второй компас и приложил его к первому.

– Вы замечаете какую-нибудь разницу, мисс Сеттон? – спросил он, и она взглянула на инструменты.

– Один со стрелкой, у второго же она отсутствует.

– Да, верно, вращается вся шкала. А больше вы ничего не замечаете?

– В остальном я не вижу разницы, – заметила она, покачав головой.

– Где север на шкале?

Она указала на букву N.

– А где север на стрелке?

Она задумалась, так как тонкая, чувствительная стрелка маленького компаса показывала север гораздо восточнее большого компаса.

– Что это означает? – спросила она.

Их взгляды встретились.

...Лэмбер и Сеттон заключили сделку. Фрэнсис Сеттон ликовал. Они все вместе вышли в переднюю.

– Не сердитесь на мою сестру, – сказал Сеттон, – через некоторое время она согласится со мной. Вы должны помнить, что она женщина, – добавил он.

– Понимаю, мой мальчик, понимаю, – сказал Лэмбер. – Мы оба понимаем, не так ли, Уайти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.